Дарья Донцова
Гадюка в сиропе
Евлампия Романова
Следствие ведет дилетант
Иронический детектив
ЭКСМО

Дарья Аркадьевна Донцова

Гадюка в сиропе

Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118363

Аннотация

Везет же мне на приключения! Я – Евлампия Романова, неудавшаяся арфистка, осталась на целый год одна. Все мои близкие уехали на год в США. Чтобы не сойти с ума от безделья, я нанялась экономкой в семью маститого писателя детективных романов Кондрата Разумова. Буквально через неделю его застрелил собственный сынишка, играя с папой в войну. А вскоре арестовали жену Кондрата Лену по подозрению в организации убийства. В вину Лены я не верила. И моя жизнь снова превратилась в самый настоящий детектив…

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 9
ГЛАВА 3 14
ГЛАВА 4 21
ГЛАВА 5 27
ГЛАВА 6 33
ГЛАВА 7 39
ГЛАВА 8 46
ГЛАВА 9 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Дарья Донцова
Гадюка в сиропе

ГЛАВА 1

Я проснулась от того, что луч света пробежался по лицу. Ну надо же, забыла закрыть занавески, а окно моей спальни смотрит прямо на восток. Интересно, который час? Ясно, что семи сорока еще нет, потому что именно без двадцати восемь раздается омерзительный звон будильника, и приходится вскакивать, чтобы разбудить своих. Домашние ненавидят рано вставать и норовят поглубже зарыться в подушки, когда слышат крик: «Подъем!» Поэтому и будильник поставлен на такое странное время – 7.40. Дети вычислили, что 7.45 – уже поздно, а 7.30 – слишком рано. Можно еще десять минут сладко похрапеть.

Со вздохом я вытянула левую руку и принялась шарить на тумбочке, нащупывая крохотный складной «Кассио», подарок Кирюши на Новый год. Но вместо привычной полированной поверхности под пальцами была пустота, и я открыла глаза.

Перед моим взглядом возник огромный бело-голубой шкаф с позолотой, обои, смахивающие на шпалеры петергофских дворцов, и здоровенная фигура из мрамора – тучная дама, держащая в жирной руке абажур, у ее целлюлитных ног пристроилась крошечная каменная собачка…

Секунду я обалдело разглядывала этот «пейзаж», потом вспомнила вчерашние события и села. Я не дома, более того – какое-то время проведу тут, в чужой квартире. Впрочем, начну все по порядку.

Меня зовут Евлампия Романова, Евлампия Андреевна для тех, кто любит обращаться по отчеству. Живу я вместе со своей подругой Катей, по странному совпадению носящей ту же фамилию. Мы не родственницы и не имеем никакого отношения к царскому роду, просто очень близкие подруги. Родные сестры частенько не ладят между собой, деля родительское внимание. Нам выяснять отношения нет никакой причины.

Почему я, имея собственную квартиру и дачу, поселилась у Кати – особая история, вспоминать ее нет никакой необходимости. Просто раньше, до встречи с ней, я была замужем за богатым бизнесменом Михаилом и откликалась на имя Ефросинья, данное мне родителями. Но в один прекрасный момент устоявшийся уклад жизни рухнул. Михаил оказался уголовным преступником, убийцей, и сейчас отбывает срок в зоне где-то в Коми, точно не знаю, мы развелись, и никаких теплых чувств к бывшему супругу в моем сердце нет. Детей у меня никогда не было, впрочем, работы тоже. Любящие родители с детства готовили меня к артистической карьере. Я закончила сначала музыкальную школу, а потом консерваторию по классу арфы. Крайне «нужный» инструмент в современном мире – с ним даже не пойдешь подрабатывать лабухом в ресторан.

Ну представьте такую картину: какой-нибудь кабак или ночной клуб, а на сцене арфистка, вдохновенно нащипывающая жалобно стонущую арфу. Да разъяренные посетители зашвыряют исполнительницу куриными костями и столовыми приборами… Сборных концертов советских времен, когда на сцену вперемежку выходили оперные и эстрадные певцы, чтецы, танцоры, теперь нет. Малочисленные места в симфонических оркестрах давным-давно заняты, оставалось лишь заниматься сольными выступлениями. Но господь не дал мне таланта, отсыпав сверх всякой меры усидчивости и послушания. Играть на арфе я выучилась лишь благодаря редкой трудоспособности. Правда, гениальный Рихтер говорил: «Талант – это, конечно, хорошо, но у музыканта должен быть железный зад». У меня он, наверное, был чугунный. Во всяком случае, просиживала я за инструментом по шесть-

восемь часов в день, но толку было чуть. Освоив техническую сторону вопроса, я не сумела ни разу поймать вдохновение. Пальцы автоматически перебирали струны, но душа в этом процессе не участвовала. Контакта с залом не возникало, успеха я не имела и бросила заниматься музицированием, выйдя замуж.

Кстати, родители дали мне имя Ефросинья, но, чтобы полностью порвать с прошлым, я решила называться Евлампией. Честно говоря, новое прозвание пришло на ум как-то сразу, может, следовало сначала подумать, рассудить и стать Таней, Машей или Леной. Но сделанного не воротишь, и я теперь вынуждена откликаться на… Лампу.

У Катюши я веду домашнее хозяйство: готовлю, убираю, стираю, воспитываю ее младшего сына Кирюшу и периодически гашу скандалы, которые устраивает его старший брат Сережка своей жене Юлечке. Еще в доме тучами роятся домашние животные: собаки, кошки, хомяки… и не менее многочисленные гости и родственники.

Многие женщины моментально бы заработали невроз, стоя день-деньской у плиты, а вечер у мойки с грязной посудой. Но я счастлива и искренне считаю мальчиков своими сыновьями. Да и занимаюсь ими больше, чем Катя, ей просто некогда. Она великолепный хирург, вдохновенно оперирующая щитовидную железу. Таких специалистов в России – раз, два и обчелся. Больные стоят к Романовой в очередь, приезжают не только из бывших союзных республик, но и из Германии, Франции, Италии. Хитрые иностранцы хорошо умеют считать деньги и понимают: мадам Романова сделает операцию первоклассно, а по затратам выйдет на порядок меньше, чем дома.

Катюша просто не способна отказать страждущим и порой проводит в день по три операции, частенько оставаясь потом в отделении до ночи.

Так что, когда я пришла в их безалаберный дом, там ели пельмени, сосиски и яичницу, а в качестве апофеоза кулинарии готовили в выходной суп «Кнорр». Но только не подумайте, что Катюша ленива, ей просто некогда… Поэтому хозяйство в этой семье стала вести я и распоряжаюсь всем – деньгами в первую очередь. У меня есть такая большая серая тетрадка, где я пытаюсь планировать траты. Ну, например. Приход – пять тысяч, расход – шесть. Как ни стараюсь, концы не хотят сходиться. Чего я только не предпринимала – делила деньги на кучки, каждую заворачивала в отдельную бумажку и писала сверху: «Еда с 7 по 14 февраля», «Питание с 15 по 22 февраля…». Но потом Кирюшка рвал брюки, у Сережки портилось зажигание в машине, Юлечке требовались колготки, а собаки, «удачно» наевшись отбросов у помойки, должны были пить левосульгин по цене двести рублей за три таблетки… Приходилось влезать в следующую неделю…

Поняв, что «кучкообразная» система не проходит, я применила «баночную». Купюры разложила по стеклянным емкостям из-под кофе и запрятала в разные места, наивно полагая, что, если процесс поиска денег затянется, они окажутся целее… В результате две тысячи рублей испарились вместе с банкой. Я перерыла шкафы, комод, диван, но так и не нашла столь надежно спрятанную «захоронку».

Вся моя жизнь – борьба за уменьшение расходов и увеличение доходов. Но в конце концов в этой битве я потерпела сокрушительную неудачу. Что только я не придумывала: меняла рубли на доллары, немецкие марки, а один раз даже на японские иены… но все равно через день-другой приходилось бежать вновь в обменный пункт и совершать обратные операции. Все это очень напоминало анекдот о голодных чукчах, которые вечером сеяли картошку, а утром ее выкапывали, потому что очень кушать хотели.

Правда, пару раз мне самой удалось заработать, но наш бюджет строился не на этих редких и случайных суммах. Впрочем, и Катюша, и Сережка, и Юлечка пытались принести побольше, но… Именно желание заработать хорошие деньги и привело к тому, что сейчас я тоскливо разглядываю чужую вульгарно-дорого обставленную комнату. Справедливости ради следует сказать, что у меня есть большая дача и коллекция картин русских живопис-

цев. И то, и другое осталось в наследство от моих родителей. Но дачу в Алябьеве мы не собираемся продавать, там так чудесно всем жить летом, а о том, чтобы отнести на аукцион хоть одну из картин, не хочет слышать никто из моих домашних. Не мы собирали, не нам и продавать, останется детям и внукам.

Вчера, в понедельник, Катерина улетела в Майами. Американцы пригласили ее на год поработать в отделении, специализирующемся на операциях щитовидной железы. Оклад предложили такой, что она вначале решила, будто факс просто ошибся и припечатал лишние нули. Но телефонные разговоры развеяли ее сомнения.

Кирюшка, естественно, отправился вместе с матерью. Катюша, не желавшая расставаться с Сережкой и Юлей, поставила американцам условие: старшему сыну двадцать пять лет, но он вместе с женой тоже едет в Майами. Главный врач клиники настолько хотел заполучить классного специалиста, что моментально согласился и даже нашел Сережке работу в дизайнерском агентстве. Наверное, это оказалось непросто сделать, но принимающая сторона скорей всего привыкла к капризам великих хирургов. Во всяком случае, когда Катерина заявила, что собаки: мопсы Муля и Ада, стаффордширская терьерица Рейчел – и кошки Клаус и Семирамида тоже едут с ней, американцы не стали возражать, только попросили оформить ветеринарные свидетельства.

В понедельник я, обливаясь слезами, обнимала их у стойки таможенного контроля.

– Цирковые актеры? – поинтересовался пограничник, разглядывая клетки с животными.

Потом пластмассовые клетки погрузили на тележку, и Кирюшка поехал на паспортный контроль. Обернувшись, он крикнул:

– Лампушечка, любимая, не скучай, только год пройдет, это быстро.

Я покорно закивала головой: конечно, быстро. Кирюша показал пальцем на свою курточку и хихикнул. Я вздохнула. В глубине кармана сидит строго запрещенная к ввозу в Америку жаба Гертруда… Проводив их, я вернулась домой и походила по пустым комнатам. Сердце тяжело сжалось – никто не вопил: «Лампа, есть давай!» или «Лампец, погладь рубашку»… Не играли собаки, не мяукали кошки, не орали телевизоры, не шумел Кирюшка, не возмущалась Юля, и не пел в туалете Сережка. Как иногда мне хотелось тишины, но теперь, когда покой наконец наступил, он мне решительно не понравился. Впрочем, уже вечером мне предстояло, заперев квартиру, отправиться к месту работы.

Да, Катюша предлагала мне просто переждать год.

– Лампушенька, – говорила она, – с деньгами теперь проблемы нет. Будем посылать тебе с оказией.

Но я пришла в настоящий ужас. Остаться одной, в пустой квартире! И потом, всю свою жизнь я сижу за спиной у кого-то. Сначала у любящих родителей, потом, когда умер папа, под надежным маминым крылом, затем возле мужа, следом подле Кати… И очень хорошо, что американцы отказались дать мне, незамужней женщине, визу на въезд. Возраст подкатывает к сорока, и пора наконец мне стать самостоятельной.

Несколько дней мы пытались найти для меня достойную работу. Учительница музыки? Переписчица нот? Собачий парикмахер? Агент по продаже недвижимости? Торговка «Гербалайфом»? Ну скажите, чем может в наше время заниматься женщина не первой свежести, не имеющая эксклюзивной профессии?

– Иди в мою школу училкой на продленку, – посоветовал Кирюшка.

– Ну уж нет! – отрезала я. – Я отнюдь не обладаю христианским смирением. А на этом месте требуется крайне выдержанный человек, вроде твоей Галины Алексеевны Криворучко.

Наконец Катюша нашла выход.

– Лампуша, – сказала она, – ты читала книги Кондрата Разумова?

Еще спрашивает! Да я обожаю детективы до дрожи и проглатываю все, что появляется на прилавках. Правда, больше люблю женщин – Маринину, Дашкову, Полякову, но и некоторых мужчин читаю с удовольствием, например, Леонова и Вайнеров, впрочем, и томики Кондрата Разумова иногда беру в руки. Хотя многие его романы не очень мне нравятся – плохо заканчиваются, а все герои малосимпатичные люди.

– Так вот, – продолжала Катерина, – у меня лечилась его жена Лена. А сегодня она позвонила с просьбой. Понимаешь…

Конечно, я понимаю, почти все Катюшины больные потом становятся ее хорошими знакомыми и частенько обращаются к хирургу за помощью. У нее записная книжка лопается от номеров телефонов, и она с легкостью решает чужие проблемы.

– Лампа, – обозлилась Катя, – слушай внимательно.

– Да, да, – забормотала я, пытаясь вникнуть в ее слова.

Так вот, супруга модного и преуспевающего литератора пожаловалась ей, что в доме у них настоящий бардак. Горничные, как одна, нахалки и воровки, кухарка готовит дрянь, деньги, бешеные тысячи, которые выдаются на хозяйство, исчезают, как в черной дыре, дети расхлябанны, а гувернантки, вместо того чтобы заниматься их воспитанием, моментально, как только наймутся на работу, начинают строить глазки Кондрату и вертеть перед мужиком полуголым задом. Словом, требуется найти экономку, желательно даму лет сорока, не озабоченную сексуально, честную и деловую, которая твердой рукой наведет порядок. Нет ли у Кати на примете подходящей кандидатуры? Жить надо у Разумовых в квартире постоянно, оклад соответствующий.

– Как раз для тебя! – радовалась Катюша.

– Интересное дело, я не хочу быть домработницей!

– Экономкой, – поправила Катя. – У тебя под началом будут кухарка и горничная, да еще домашние учителя-репетиторы их старшей дочери. Она не ходит в школу.

– Почему?

Катюша пожала плечами:

– Не знаю. Может, здоровье слабое. Впрочем, не хочешь, не надо, но, на мой взгляд, место неплохое.

Поколебавшись немного, я согласилась, и Катерина перезвонила Разумовой.

– Леночка, – защебетала она в трубку, – кажется, я нашла нужную кандидатуру. Зовут ее Евлампия Андреевна. Нет, нет, ей около сорока, просто имя такое. Она мастер на все руки, человек безукоризненной честности. Последний год работала у меня, но я уезжаю в Майами… Рекомендую как себя. Что ты, душенька, ей и в голову не придет соблазнять Кондрата, если уж на то пошло, у нее есть молодой любовник, она с ним по четвергам, в свой выходной, встречается.

– Ну какого черта ты придумала про хахаля! – возмутилась я.

Катюша захихикала:

– Лена у Кондрата четвертая жена. Он очень на баб падок, вот она и волнуется.

– Пусть старых нанимает!

– Во-первых, – веселилась Катя, – многие старухи не прочь развлечься с молоденьким, а во-вторых, какие из них работницы? Нет, наемная сила должна быть молодой, но это чревато нежелательными последствиями. Ну, решайся!

– Ладно, – безнадежно пробормотала я, – согласна.

В понедельник вечером, тщательно закрутив кран газа, вырубив электропробки и поставив квартиру на охрану в милиции, я с небольшим саквояжиком в руках прибыла на место службы.

Дом, где обитал Разумов, сразу давал понять: тут живут обеспеченные люди. На двери подъезда имелись домофон и видеокамера. Внутри, у лифта, сидел консьерж. Да не какая-

нибудь трясущаяся от болезни Паркинсона убогая бабка, а бравый парень лет тридцати, в черной форме. Лестница застелена ковровой дорожкой, в лифте сверкает зеркало и пахнет коньяком, французскими духами и отличным куревом.

На пятом этаже было всего две двери. На одной золотом горели цифры 110. Очевидно, Разумов объединил несколько квартир в одну или, разбогатев, отселил своих соседей.

Я нажала на звонок. За дверью, явно железной, обитой дорогой натуральной кожей цвета кофе с молоком, раздалась приятная музыка. Я усмехнулась. Звонок играл «Маленькую ночную серенаду». Интересно, чем так приглянулся гениальный Моцарт производителям мобильных телефонных аппаратов и дверных звонков? Почему именно его музыку они выбирают для услады ушей потребителя? Может, просто никогда не слышали про других композиторов? На мой взгляд, к двери удобнее бежать под «Танец с саблями» Хачатуряна, бодрит и держит в тонусе.

Но у Разумовых не торопились открывать. Серенада длилась и длилась. Наконец откуда-то из-под потолка донеслось:

– Чего надо?

Однако мило и интеллигентно разговаривают в семье литератора.

– Здравствуйте, я Евлампия Романова.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась бабища лет пятидесяти, огромная, как русская печь. Подушкообразная грудь свободно колыхалась под безразмерной трикотажной кофтой, длинная юбка почти полностью скрывала ноги, из-под нее торчали лишь огромные тапки с ярко-зелеными помпонами. Волосы красавицы были стянуты в хвостик, лицо серое, а глазки противно-маленькие и хитрые.

– Вы Елена? – ошарашенно спросила я.

– Хозяйка в спальне, – буркнула небесная красавица и, хлопая тапками о голые пятки, тяжело переваливаясь с боку на бок, удалилась.

Я в растерянности осталась стоять в прихожей, но тут где-то далеко послышался дробный стук каблучков, и на меня выскочила тоненькая прехорошенькая девочка лет пятнадцати. Светло-каштановые кудри блестели в свете яркой хрустальной люстры, щеки покрывал румянец, пурпурные губы улыбались. Не девчонка, а статуэточка.

– Ты, наверное, дочка Кондрата Разумова, – ласково сказала я, снимая пальто. – Давай знакомиться. Я ваша новая экономка Евлампия Андреевна. Впрочем, надеюсь, мы подружимся, так что зови меня так, как зовут хорошие приятели, – Лампа. А где твоя мама?

– Очень приятно, – улыбнулась девчонка и подала мне тонкую бледную руку с изящным бриллиантовым кольцом. – Я Елена Михайловна, супруга Кондрата Разумова.

ГЛАВА 2

Вспоминая свое знакомство с хозяйкой, я тяжело вздохнула. В такую идиотскую ситуацию до сих пор я попадала лишь однажды, когда летом столкнулась во дворе с соседом Устиновым. Благообразный, седой, как старая собака, старик вез в коляске крохотную девочку, которой скорей всего не исполнилось и года. Увидев меня, он радостно заулыбался:

– Евлампия Андреевна, смотрите, какая у нас Анечка!

Вспомнив, что у Устинова внучка в прошлом году закончила школу, я приветливо ответила:

– Поздравляю, Петр Михайлович, у вас очаровательная правнучка.

Старик побагровел и процедил сквозь изумительно сделанные протезы:

– Это моя дочь.

Только тут я припомнила, что целый год дворовая общественность сладко сплетничает о сошедшем с ума Устинове, женившемся после смерти супруги на однокласснице своей внучки.

Солнечный квадрат переместился по потолку, и я со вздохом встала. Так, пора начинать рабочий день и знакомиться с обитателями квартиры. Поколебавшись немного возле шкафа, я нацепила черненькие брючки, черненький свитерок и, чувствуя себя Джен Эйр, отправилась на поиски хозяйки.

Лена в огромном кабинете сидела за письменным столом и перебирала какие-то бумажки. Увидев меня, она заулыбалась и спросила:

– Вы всегда так рано встаете?

Мой взгляд упал на красивые старинные часы, висящие на стене, – без пятнадцати десять. Однако если это рано, то во сколько же тут завтракают?

– Наш день начинается около полудня, – объяснила хозяйка, – в двенадцать завтрак, в шесть обед, ужинаем около двадцати трех.

Наверное, в моем лице что-то дрогнуло, потому что она добавила:

– Кондрат страдает бессонницей, может до пяти-шести утра промаяться, вот день и сдвинут. Мне тоже нет необходимости рано вставать. Я художница и, честно говоря, люблю работать вечером. Ванечке только четыре года, ну а к Лизе ходят учителя на дом.

– Она больна? – поинтересовалась я.

Лена дернула точеным плечиком.

– Елизавета – дочь Кондрата от первого брака, ей тринадцать лет. Маменька ее, наша, так сказать, бывшая супруга, спихнула девчонку отцу, мотивируя свое нежелание воспитывать дочь просто – «не хочу». Вот Лиза и живет с Кондратом, а тот жалеет нахалку и балует безмерно, сами увидите, ее из пяти школ выгнали… Ладно, пойдемте смотреть квартиру.

Комнат оказалось много. Спальня Кондрата примыкала к его кабинету.

– Упаси вас бог, – предостерегла Лена, – что-нибудь тронуть здесь на столе или включить компьютер, муж убить может! А то до вас была дама, страстная любительница «бродилок», поставила дискету и занесла вирус, пропала рукопись недописанного романа, представляете?

– Я не слишком хорошо умею пользоваться компьютером, да и не люблю его, – пояснила я, и мы пошли дальше.

Гостиная, столовая, спальня Лены, детская Вани, комната Лизы, кухня, две ванные и три туалета, в самом конце коридора небольшое, примерно десятиметровое, помещение, отданное мне. Кухарка, горничная и репетиторы были приходящими.

– Наташа, – сказала Лена, входя на кухню, – это Евлампия Андреевна, по всем вопросам обращайся к ней.

Огромная, неопрятного вида бабища молча кивнула, потом грубовато спросила:

– А завтрак-то кто подавать станет? Я его только готовить нанималась, и к двери мне недосуг бегать…

– Сегодня к одиннадцати придет новая горничная, – вздохнула Лена.

– Небось такая же лентяйка, как Светка, – фыркнула кухарка и ядовито добавила: – Вы бы, Елена Михайловна, сразу объяснили девчонкам, что Кондрат Федорович шутит и вовсе не собирается их на самом деле в кровать укладывать.

Лена покраснела неровными пятнами, но тут в кухню вошла полненькая девочка в пижамке с Микки-Маусами и капризно протянула:

– Мне не подали в постель какао.

Наташа отвернулась к плите и принялась демонстративно помешивать ложкой в кастрюле какое-то варево. Лена сурово глянула на падчерицу:

– Новая горничная придет только к одиннадцати, так что придется подождать с завтраком. Впрочем, можешь сама себе налить!

Лиза кивнула, подошла к сушке, вытащила огромную синюю чашку, украшенную картинкой с Гуфи, и спросила:

– Где стоит какао?

– В шкафу, – кивнула Наташа.

Лиза вытащила желтую коробку с изображением зайца Квики и поинтересовалась:

– Сколько сыпать?

– По вкусу, – весьма нелюбезно ответила Наташа.

– А это сколько? – не успокаивалась Лиза.

Лена вновь покраснела, и ее детское личико приобрело злое выражение. Мне стало понятно, что супруге Разумова хорошо за двадцать, а вернее, ближе к тридцати. Обманчивое впечатление тинейджера создает субтильная фигурка и тоненький звонкий голосок. К тому же сейчас, когда мы стояли на кухне, ярко освещенной утренним солнцем, было видно, что лицо хозяйки покрывает ровный слой косметики, светлый тон и нежно-коричневые румяна. Макияж был сделан искусно, но меня поразил тот факт, что он нанесен так рано. Кстати, и ее волосы блестели как-то подозрительно ярко, наверное, напомаженные парикмахерским воском.

– А какой у меня вкус? – не успокаивалась Лиза.

– Три чайные ложки, – пробубнила Наташа.

Девочка насыпала гранулы и продолжила допрос:

– Теперь чего?

– Воды долей, – велела кухарка, потерявшая всяческое терпение. – И пей с наслаждением.

Лиза открутила кран и хотела сунуть кружечку под струю.

– Боже, – простонала Лена, отняла у нее чашку, взяла чайник, наполнила «Гуфи» и велела: – Иди к себе.

– Спасибо, – сказала Лиза и, осторожно неся кружечку в вытянутой руке, ушла.

Мы с Леной вернулись в кабинет, и хозяйка сказала:

– Значит, все, вы приступаете. Слава богу, а то у меня от домашних забот голова кругом идет!

Потом она секунду помолчала и выпалила:

– Видали, какой спектакль устроила Лизка? Вот уж актриса погорелого театра! А все потому, что какао с утра ей не подали. Избалована сверх всякой меры. Я пробовала ее приструнить, но Кондрат любит дочурку. Он не понимает, что только хуже ей делает, когда потакает во всем.

Я промолчала. Наверное, не слишком прилично прислуге обсуждать членов семьи, пусть даже и с хозяйкой дома. Только мне показалось, что Лиза не кривлялась, она на самом деле не знала, как разводят какао. Да и откуда ребенку это знать, если ему все подают?

Через неделю я совершенно освоилась и разобралась в ситуации. Бардак в доме и впрямь царил немыслимый. Кухарка Наташа готовила плохо, еда у нее то пригорала, то оказывалась практически несъедобной. К тому же наглая баба уверяла, что у Разумовых в день уходит две пачки сливочного масла, бутылка растительного и килограмма три мяса, это не говоря о деликатесах типа осетрины, шоколадных конфет и кофе. Домой кухарка уходила поздно вечером с набитой кошелкой.

Я терпела до четверга, потом не выдержала и спросила:

– Наталья, что у вас в сумке?

– А вам какое дело? – окрысилась повариха.

Но я уже вытаскивала из торбы примерно полкило карбоната, приличный шматок мяса и баночку икры.

– Тебе чего, больше всех надо? – подбоченилась Наталья. – Твое, что ли, беру?

Я окинула взглядом ее неряшливую фигуру и железным тоном отрезала:

– Вы уволены.

Потом припомнила прочитанные в юности романы Голсуорси и добавила:

– Без рекомендации и выходного пособия. И скажите спасибо, что я не обращаюсь в милицию по факту воровства.

– Да пошла ты! – гавкнула кухарка и убежала.

Пришлось самой стать к плите. Без лишней скромности признаюсь, что моя стряпня пришлась Разумовым по вкусу. Даже молчаливый Кондрат, съев одну тарелку мясной солянки, попросил добавки и сказал:

– Ленусик, наконец-то тебе удалось найти человека, который готовит, как моя мама.

Новая горничная Марина не понравилась мне еще больше, чем кухарка. Во-первых, девица без конца курила на кухне, и ей приходилось по пять-шесть раз повторять одно и то же. Она весьма неаккуратно убирала комнаты, тщательно моя середину и расталкивая пыль по углам. Но это не главное. Основное, что вызвало мое здоровое негодование, – это ее наглое поведение. Два дня Марина прислуживала за столом в брюках. В среду нацепила мини-юбку и водолазку-стрейч, но, когда она в четверг появилась в столовой с супом, у меня просто отвисла челюсть: наглая девчонка влезла в кожаные шортики, нет, мини-трусики, два крохотных кусочка черного цвета, из которых вываливались наружу весьма аппетитные ягодицы, колготок она не носила. Сверху на ней была ярко-красная жилетка, застегнутая на две пуговицы. Руки обнажены, а из выреза выпадала большая грудь, размера четвертого, не меньше, что было особенно пикантно, если учесть небольшой объем бедер и осиную талию. Впрочем, при виде «рокерши» рты разинули и остальные члены семьи, только четырехлетний Ванечка спокойно возил ложкой по скатерти. Лена побагровела, а Кондрат хмыкнул. Глаза писателя маслено заблестели, и он пропел:

– Деточка, какой там у тебя супчик?

– Куриный, – прошептала Марина и, подойдя к хозяину, невзначай прислонилась к нему крутым боком. – Лапша…

– Наливай, – велел Кондрат и покосился на девчонку.

Та улыбнулась.

Лена побагровела, но ничего не сказала. Я же вошла после обеда на кухню и велела:

– Спасибо, Марина, но мы в ваших услугах больше не нуждаемся.

Девица попыталась сопротивляться, но я была непреклонна и, выдав ей конверт с месячным содержанием, выставила нахалку за дверь.

Таким образом, в четверг вечером я, разогнав прислугу, осталась на хозяйстве одна.

Честно говоря, без помощников оказалось трудно. В доме постоянно толклись гости, бесконечные подруги Лены, друзья Кондрата… Где-то около десяти вечера все усаживались за стол. В этом доме не ложились спать раньше часа. Даже четырехлетний Ванюша успокаивался только к полуночи. Его няня, приятная женщина лет пятидесяти, Анна Ивановна, пару раз со вздохом говорила:

– Ну как тут режим соблюсти, если отец его из кроватки выхватывает и к гостям тащит!

Анна Ивановна мне понравилась. Впрочем, няня не лезла в домашнее хозяйство и на кухне появлялась редко. Ванечку я тоже почти не видела.

Кондрат до безумия любил детей. Каждый день на Лизу проливался дождь подарков – шоколадки, мягкие игрушки, книжки, комиксы, чипсы… Получал свою долю и Ванюшка. Более того, каждый вечер, ровно в семь, они с Кондратом играли в войну. Носились по коридорам и комнатам с игрушечными пистолетами и ружьями. Увидав эту забаву в первый раз, я испугалась. Оружие выглядело и гремело, как настоящее. Безумие длилось минут сорок, потом Ваня победил, а Кондрат ушел в кабинет. Писал литератор днем, с часу до шести. И, следует отметить, трудился он упорно, ваял по десять страниц ежедневно и никогда не начинал гулянок, не закончив норму.

Лена целый день пропадала невесть где. Являлась домой только к десяти-одиннадцати. Она действительно была художницей и таскалась по выставкам, вернисажам и презентациям. Возле ее спальни была оборудована небольшая мастерская, и я входила туда, чтобы вытереть пыль. С первого раза мне стало понятно, что Лена не слишком работоспособна. На мольберте стоял незаконченный пейзаж, и ни в среду, ни в четверг, ни в пятницу на нем не прибавилось ни листочка. Впрочем, Лена не была противной или грубой. Просто пофигистка, любящая комфорт и удовольствия. Будь она женой простого инженера, в квартире у нее небось царила бы дикая грязь, а гора неглаженого белья упиралась бы в потолок. Но судьба подсунула ей на жизненном пути богатого Кондрата, и в доме убирали, готовили и подавали чужие, наемные руки. Да, она была ленива и глуповата, но казалась доброй и безалаберной. Денег не считала совсем, и, когда я поинтересовалась: «Сколько вы тратите в неделю на питание?» – Лена вытаращила от удивления глаза:

– А сколько надо?..

– Но ведь не все же свои доходы? – попыталась я добиться истины.

Лена пожала плечами:

– Не знаю.

– Что вы делаете, когда деньги заканчиваются? – обозлилась я.

– Беру у Кондрата еще, – спокойно пояснила Лена.

Я отступила, но тетрадь для записи расходов завела. В пятницу попробовала было показать ее хозяйке, но та отмахнулась:

– Евлампия Андреевна, мне это неинтересно, только скажите, когда сумма на хозяйство закончится!

Я вздохнула. Неудивительно, что они тратят бешеные деньги. Гигантские суммы у Разумовых уходили не только на жратву. Репетиторы, посещавшие Лизу, брали все, как один, по десять долларов за академический час. Ходило их пятеро – математик, «русалка», немка, географ и историк. Я так и не поняла, почему Лиза не посещает школу. На вид она казалась здоровой, обладала отменным аппетитом. Существовала только одна странность. Высокая рослая тринадцатилетняя девочка была на редкость инфантильна. Она читала комиксы про летающих пони, самозабвенно играла в Барби, смотрела мультики про кота Леопольда. Еще Лиза ничего не умела. У меня нет большого опыта общения с детьми, до сих пор я имела дело только с Кирюшкой. Но мальчик был занят весь день под завязку школой, уроками и секцией бодибилдинга. Потом, он умел варить пельмени, убирал, правда весьма неохотно, квартиру, гулял с собаками и в случае необходимости мог обойтись без взрослых. Ему бы и в

голову не пришло просить: «Подайте чай» или «Намажьте бутерброд». За подобные просьбы можно было получить щелбан от старшего брата и гневный возглас Юли:

– Инвалид, что ли? Сам сделай!

Лиза же не умела ничего, она даже не научилась заваривать чай. Домашние учителя не задавали ей уроков, спортом девочка не занималась, подруг не имела и в свободное время раскрашивала картинки или играла на компьютере в игрушки, предназначенные для шестилетних детей. Ее комната просто ломилась от самых разнообразных прибамбасов – одних плюшевых зайчиков я насчитала около двадцати. Мне, привыкшей жить с животными, было странно, что в огромной квартире Разумовых нет никакого четвероногого любимца. Ни кошки, ни собаки, ни хомячка, даже рыбок тут не было.

В пятницу вечером я твердо знала две вещи. В этот дом следует нанять домработницу, и искать ее я стану не в специализированной фирме, а по знакомым. Пусть без особых рекомендаций, медицинского образования и знания иностранного языка, просто женщину, которая потеряла основную работу и мечтает получить хоть какое-нибудь место. Я уже совсем хотела отправиться в субботу домой за Катюшиной записной книжкой, как случилось событие, разом изменившее все.

Как всегда ровно в семь, Ванюшка, напялив шлем, выскочил в коридор и завопил:

– Папа, прячься!

Анна Ивановна, использовавшая игру в войну как повод для заслуженного отдыха, привычно отправилась на кухню вкушать сладкий кофе.

– Выходи, Терминатор! – закричал Кондрат в ответ.

– Я сегодня не Терминатор, а большая зеленая Мышь, – возразил Ванька.

– Отлично, – согласился отец и велел: – А ну, Мышь, спасайся, сейчас страшный кот тебя съест!

– Никогда! – счастливо взвизгнул мальчишка.

И они принялись носиться по комнатам и коридорам, оглушительно паля из всевозможного оружия.

– Отвратительная забава, – пробормотала Анна Ивановна, прихлебывая кофеек, – шумная такая.

Я была с ней солидарна.

– Впрочем, – продолжала няня, – мальчикам это необходимо, и очень хорошо, что отец находит время для сына.

В этом случае я тоже целиком и полностью разделяла ее мнение.

В коридоре творилось невообразимое.

– Ага, – кричал Ванька, – сдавайся!

– Как бы не так, – ответил Кондрат. – Коты так просто не сдаются!

– У меня есть новый, антикотный пистолет! – взвизгнул Ванюша. – Получай!

Послышался звук выстрела, немного другой, чем те, что звучали до сих пор, потом второй, третий, четвертый… Следом раздался грохот. Очевидно, Кондрат, изображая смертельно раненного, упал на пол.

– Ага, – завизжал Ваня, – готов кот! Ура! Победа!

Мы продолжали молча пить кофе, слушая, как он, ликуя, твердит:

– Папа, вставай, неси приз. Ну папа, папулечка, поднимайся.

Внезапно мне отчего-то стало холодно. Звонкий голос мальчика дискантом выводил:

– Папа, встань, а-а-а-а…

Услыхав отчаянный, полный ужаса плач, мы с Анной Ивановной вылетели в коридор и на мгновение остолбенели.

ГЛАВА 3

Кондрат лежал на спине, широко разбросав в разные стороны руки. Его тело занимало почти все пространство от спальни Лены до кабинета. Джинсы задрались, и наружу торчала голая нога, густо поросшая черными волосками. Почему-то при взгляде на беззащитно выставленную конечность мне сделалось совсем нехорошо. Чуть поодаль, возле входа в гостиную, бился в истерике Ваня.

– Анна Ивановна! – велела я железным голосом.

Няня моментально кинулась к подопечному и затарахтела, хватая того на руки:

– Пойдем, Ванюшенька, в детскую.

– Не хочу! – вопил мальчишка. – Папочка, папулечка!..

– Папа устал, – быстро нашлась Анна Ивановна. – Поспит и встанет.

Ванюша всхлипнул и сказал:

– А папочка никогда так раньше не делал.

– Вот сегодня и решил пошутить, чтобы тебя напугать, – пела няня, утаскивая ребенка в глубь квартиры. – Пойдем, сейчас приз дам.

Когда они ушли, я приблизилась на шаг к литератору и спросила:

– Кондрат Федорович, вам плохо?

Но ответа не последовало, не раздалось даже стона или слабой просьбы о помощи. Набравшись смелости, я подошла вплотную, присела на корточки и заглянула в лицо хозяина. Глаза его были странно приоткрыты, правый больше, чем левый, рот скривился на сторону и слегка отвис, подбородок безвольно упал. Но самое страшное не это. На лбу, между бровями, там, где индуски рисуют точку, виднелось небольшое, аккуратное красное отверстие с чуть неровными краями.

Секунду я смотрела на дырочку и наконец поняла – это след от пули. Странно, но крови почти не было.

– Кондрат Федорович, – еще раз, отчего-то шепотом, позвала я, – пожалуйста, пошевелите рукой, если слышите, или моргните.

Но писатель продолжал безучастно лежать на спине. Произошло ужасное: играя в войну, Ваня убил своего отца. Чуть поодаль валялся не слишком большой черный пистолет. Я с опаской посмотрела на него. Горы прочитанных детективов твердо вбили в мою голову основную мысль: на месте преступления лучше ничего не трогать.

Постояв в коридоре пару минут и поняв, что Кондрат не дышит, я потянулась к телефону и призадумалась. Ясное дело, надо звонить в милицию. Но куда? «Ноль два» как-то не хочется. У Кондрата широко известное имя, он много писал о сотрудниках уголовного розыска, впрочем, все менты у него выходили мерзкими людьми, взяточниками, прикрывавшими дела за крупные суммы. Кстати, именно поэтому мне и не нравились его произведения. Дело в том, что у нас с Катюшей есть приятель, майор Володя Костин. Мы тесно дружим и даже ухитрились упросить нашу соседку Ниночку обменяться с Володей квартирой, так что теперь проживаем на одной лестничной клетке.

Так вот, я могу абсолютно авторитетно заявить: майор взяток не берет. А кто не верит, может приехать и полюбоваться на два его обтрепанных костюма и весьма поношенные ботинки… Кстати, и среди его коллег тоже нет сребролюбцев, работают ребята на совесть и страшно возмущаются, листая некоторые романы.

– Очень хочется этому Разумову по шее накостылять, – вздохнул как-то Володя, указывая на яркий томик. – Все-то у него сволочи. Что не сотрудник МВД, то дрянь.

– Не спорю, – влез в разговор другой майор, Слава Самоненко, – есть и такие, но ведь большинство работает честно. Представляешь, как нам обидно!

Я промолчала. До знакомства с ними я черпала свои знания о нашей доблестной милиции исключительно из детективной литературы, и, честно говоря, человек в синей форме не вызывал у меня ни уважения, ни восторга. И, только узнав Костина и Самоненко, я поняла, какие на самом деле бывают сотрудники правоохранительных органов.

Звонить нужно бы только Володе, но завтра ему исполняется сорок лет, круглая дата, почти юбилей. И мы сделали ему подарок – купили путевку в Объединенные Арабские Эмираты, причем на целых три недели. Март – месяц не самый приятный для отдыха, и начальство со спокойной душой отпустило майора, так что он как раз сейчас прилетел в Дубаи и, может, уже нежится на пляже и кадрит хорошеньких туристок, а я стою в чужой квартире возле трупа известного писателя и проклинаю тот час, когда Катюше пришла в голову идея об устройстве меня к этим людям.

Но ведь есть еще Слава Самоненко, он-то на работе.

– Господи! – взмолилась я, тыча дрожащим пальцем в кнопки. – Боже, сделай так, чтобы Славка сидел на месте…

То ли молитва помогла, то ли криминальная обстановка в городе разрядилась, но в трубке бодро прозвучало:

– Самоненко у аппарата.

– Славик, – зашептала я, чувствуя, как к горлу приближаются рыдания, – Славик, тут такое случилось!

Через час в квартире Разумова было полно народа. Кроме оперативной группы, явились еще съемочные бригады «Дорожного патруля» и «Криминальной хроники» и несколько молодых людей с диктофонами. И откуда только узнали! Впрочем, кончина Кондрата – лакомая тема для борзописцев всех сортов.

Славка прошел на кухню, окинул взглядом стройные ряды электроприборов и со вздохом пробормотал:

– Лампудель, можешь чайку сварганить или хозяйка не разрешит?

– Здесь хозяйка та, кто на кухне, – буркнула я и включила чайник. – Лене, то есть Елене Михайловне, все по фигу.

– Где она? – поинтересовался Слава.

Я пожала плечами:

– Сказала, что в тренажерный зал уехала, но мобильный все время сообщает: «Абонент отключен» или «Абонент временно недоступен».

– Где она занимается?

Я вновь пожала плечами:

– Вроде в ЦСКА, там клуб шейпинга. Во всяком случае, квитанции оттуда.

Тут в кухню вошел полный, неизвестный мне дядька и позвал Славку.

Лена явилась лишь вечером, около десяти. Труп Разумова унесли, я вымыла коридор. Ванечка, которому дали успокоительное, крепко спал. Лизе тоже накапали валокордина, и девочка лежала в кровати. Словом, в двадцать два часа в квартире стояла непривычная тишина.

Лена влетела в прихожую, напевая веселенький мотивчик, в руках у нее покачивались коробки с пирожными. Я вышла к двери, не зная, с чего начать рассказ.

Хозяйка повесила курточку и бодро спросила:

– Почему у нас могильная тишина? Где все?

Фраза прозвучала двусмысленно, и я, не удержавшись, ляпнула:

– Кондрата убили!

Лена разинула рот, потом хмыкнула:

– Кажется, до первого апреля еще месяц! Ну и шуточку у тебя, Лампа!

– Ты не понимаешь… – начала я и осеклась.

Странное дело, но мы с хозяйкой вдруг перешли на «ты», а до сих пор она меня иначе, как Евлампия Андреевна, не величала.

Следующий час мы сидели на кухне. Лена безостановочно курила сигареты, а я только удивлялась, глядя в ее побледневшее, но спокойное лицо. Честно говоря, я ожидала истерики, слез, обморока… Даже на всякий случай приготовила валокордин, нашатырный спирт и отыскала телефон их домашнего врача. Но Лена только смолила сигареты одну за другой и молча смотрела в темное окно. Наконец, очевидно, приняв какое-то решение, она отшвырнула пачку и сказала:

– Значит, так. Произошел жуткий, ужасный несчастный случай, и надо постараться, чтобы правда не попала в газеты. Ванька пока ничего не понимает, а когда станет старше? Представляешь, с таким грузом жить – убил родного отца. Мне никогда не нравилась их дурацкая игра в войну, все эти пистолеты… Давно знала, что они опасны… Лампа, ты можешь поговорить с этим Славой? Пусть сообщает журналюгам, что Кондрат покончил с собой. Я заплачу майору за молчание.

Я в изумлении уставилась на хозяйку.

– Но Кондрат…

– Кондрат… – раздраженно перебила меня Лена и налила себе полный стакан коньяка. – Кондрат всегда говорил, что писателя делает скандал. Чем громче орут газеты, тем больше тираж, вот пусть и получит свой последний скандал!

И она выпила залпом.

– Но для самоубийства нужна причина, – попробовала возразить я.

– Ха, – слегка заплетающимся языком пробормотала Лена. – Мне надо Ваньку спасать, а Кондрату уже без разницы. Как ты думаешь, согласится Анна Ивановна вдвоем с ним уехать на Кипр? У меня подруга там школьная. Вышла замуж за киприота, девочку родила.

– Не знаю, – ответила я. – Может, если хорошо заплатишь, хотя сейчас, наверное, с деньгами будет напряженка!

– Ерунда, – отмахнулась Лена. – Главное, Ваньку спрятать. На Кипр въезд без визы. Если няня согласится, утром их отправлю… Лизку в закрытую школу сдам, хватит, намучилась. Господи, знала бы ты, как мне было тяжело! Кондрат такой противный, эгоистичный, себялюбивый, капризный и по большей части просто невыносимый. Лизка – дрянь избалованная, вечное напоминание о прежней супруге! Гости дурацкие, гулянки, да я мечтаю спать ложиться в десять! Я жаворонок, а Кондрат сова! А его мерзкая манера ходить по дому в трусах? А отвратительные сигары? А любовь мыться в пять утра с воплем: «Лена, потри спину!» Боже, неужели все наконец кончилось? Продам эту дурацкую квартиру, куплю небольшую, трехкомнатную, нам с Ванькой хватит, и заживу припеваючи!

– Тебе придется работать, – только и сумела пролепетать я.

– Зачем? – изумилась Лена.

– Как, а деньги?

Вдова расхохоталась и вновь приложилась к коньяку.

– Да у меня столько средств, что на три жизни хватит, а в компьютере лежат двенадцать новых романов. Буду их продавать.

– Кому?

Она опять засмеялась:

– Наивняк ты, Лампа. У Кондрата раскрученное имя, его книги приносят дикие прибыли издателям. Да только скажу, что есть готовые детективы, – очередь выстроится! Я еще цены набивать стану. В «РОМО-Пресс» намекну, что «Альфаиздат» переговоры со мной ведет, а в «Альфаиздате» на «РОМО-Пресс» сошлюсь. Сразу гонорар и возрастет. Нет, с деньгами полный порядок. Да еще за квартиру выручу, джип его идиотский, на автобус похожий, мне не нужен, «Фольксвагеном» обойдусь.

– Значит, ты его совсем не любила, – промолвила я в растерянности.

Окончательно опьяневшая Лена срыгнула и громко произнесла:

– Я его ненавидела и думала, что этот ужас продлится еще много лет.

– Но ты же его ревновала!

– Вовсе нет. Просто не хотела, чтобы какая-нибудь баба увела его из-под носа. Охотниц на богатого муженька много, только деньги должны быть мои.

– Родная дочь Кондрата имеет право на часть наследства!

– Пожалуйста, – хмыкнула она. – Только деньги-то у меня наличными, про них никто и знать не знает. Романы на дискеты сброшу и спрячу. Что останется? Квартира и машина? Половина от всего – моя, а от второй части еще половина Ванина, а уж остаток Лизкин. Вот и помещу наглую девицу в закрытый интернат и буду из ее доли расходы отплачивать!

Я не нашлась, что возразить.

Утром, едва солнце выкатилось из-за горизонта, ко мне в комнату быстрым шагом вошла Лена.

– Извините, Евлампия Андреевна, – сухо и официально заявила хозяйка. – Понимаю, что бужу вас, но мне нужна ясность. Вы будете работать дальше?

Я только хлопала глазами спросонья, плохо понимая, что ей надо. Лена, очевидно, поняла мою заторможенность по-своему, потому что прибавила:

– Мы договаривались на тысячу долларов в месяц, но я буду платить полторы, если вы согласитесь жить здесь и избавите меня от хлопот о Лизе, квартире и готовке. Не бойтесь, толп гостей тут больше не будет.

– Вы вроде собирались продать квартиру, – робко заикнулась я, тоже переходя на «вы».

Лена сжала губы:

– Сие возможно лишь через полгода, только когда я войду в права наследства.

– Но вы хотели отдать Лизу в интернат!

– Девчонка пока останется тут! – рявкнула хозяйка и вылетела в коридор.

Недоумевая, что могло случиться ночью, я вылезла из-под одеяла и отправилась на кухню. Возле стола сиротливо валялся Ванин башмачок. Я подобрала его и понесла в детскую. Здесь меня ожидало неожиданное. Маленькая кроватка была аккуратно застелена, игрушки стояли на полочке.

Я пошла искать Лену и обнаружила ее в кабинете Кондрата, у компьютера.

– Простите, – кашлянула я.

Услыхав мой голос, вдова моментально закрыла файл, но я успела увидеть слова «По локоть в беде» и поняла, что она просматривала новый роман Разумова.

– Что такое? – спросила Лена. – Деньги на хозяйство нужны? Смотрите, они лежат в сейфе, за картиной с зимним пейзажем, шифр приклеен в столе, здесь.

– Нет-нет, где Ваня?

– Отправлен вместе с Анной Ивановной на Кипр, – совершенно спокойно ответила она и, глянув на часы, добавила: – Сейчас как раз взлетают, в девять утра.

Я пораженно молчала. Однако быстро она все устроила: и билет добыла, и отправила в аэропорт…

Лена постучала по столу карандашом и поинтересовалась:

– Все или еще что-нибудь?

Я отступила на кухню и принялась готовить завтрак.

Следующие два дня прошли как всегда. Лена уезжала с утра и возвращалась вечером. Лиза днем занималась с педагогами, а потом играла в компьютер. Гости и впрямь не появлялись. Шикарные, на мой взгляд, слишком пышные поминки устроили в Центральном доме литераторов. Народу собралось уйма, все перепились до свинячьего визга, включая женщин.

По-моему, трезвых в зале было всего трое – Лиза, я и Лена. Вдова, одетая в строгое черное платье, сидела во главе стола и не прикасалась ни к чему.

После того как подали горячее, вокруг начались разговоры.

– Говорят, – пробормотала с набитым ртом выкрашенная в неестественно золотистый цвет тетка, – он покончил с собой.

– Прямо в лоб выстрелил, – подтвердил мужик в мятом пиджаке. – Полголовы снес, поэтому и гроб закрытый.

– Чего ему не хватало! – вздохнула тетка. – Денег – море, зарабатывал жуткие бабки, не то что мы, поэты.

– Сейчас время идиотов, – подхватил другой мужчина, в велюровой рубашке, – век быдла. Мы со своими философскими притчами не нужны.

Я внимательно вслушивалась в болтовню. Кто-то ловко запустил безотказную машину слухов. Вокруг обсуждали только самоубийство, никаких других версий не существовало. Лена продолжала сидеть, окаменев от горя, Лиза с детской непосредственностью наслаждалась мороженым. Ловкая, однако, барышня, моя хозяйка. Устроила все, будто волшебной палочкой взмахнула.

Однако в следующую пятницу ситуация вырвалась у Лены из-под контроля. С утра ей позвонил Слава Самоненко и попросил приехать для дачи показаний. Когда к полуночи Лена не явилась, я позвонила Славке домой.

– Да, – пробормотал он шепотом.

У Самоненко трое детей мал мала меньше, и звонить ему в такой час просто хамство.

– Слава, – тоже отчего-то шепотом сказала я, – у нас Лена исчезла, вдова Разумова.

– Ой, боже, грехи мои тяжкие, – вздохнул Славка. – Поспать и то не дадут. Не волнуйся, Лампа, она у нас.

– Где у вас? – изумилась я.

– В изоляторе временного содержания.

– За что?

– За убийство своего мужа, Кондрата Разумова, – пояснил приятель, сладко зевая.

– Не может быть!

– Вот что, Лампа, – вздохнул Славка, – устал я, спать хочу. Приезжай завтра ко мне на работу, все равно тебя опросить надо, там и побалакаем, а сейчас – извини! – И он отсоединился.

Ночь я провела без сна, ворочалась с боку на бок в жаркой постели. Едва дождалась полудня и, усадив Лизу заниматься математикой, понеслась к Славке.

В просторном кабинете на меня обрушился ливень невероятных сведений. Кондрат был смертельно ранен не игрушечной пулькой, не пластмассовым шариком.

– Подумай сама, – внушал майор, – разве такая штука пробьет лобную кость? В худшем случае синяк вскочит. Не спорю, попади кусочек пластмассы в глаз, мог случиться летальный исход, но в лоб?

– Но я сама видела дырку в голове у Кондрата, – прошептала я.

– Дырку! – передразнил Славка. – Вот именно, у ребенка в руках оказалось настоящее боевое оружие.

– Какой кошмар! – пришла я в ужас. – Но мальчик мог себя убить!

– Запросто, – согласился приятель. – Кто-то дал ему пистолет и сказал, что это замечательная игрушка.

– Перед тем как выстрелить, – вспомнила я, – он крикнул, что ему подарили новый револьвер. Но кто мог подложить смертоносную игрушку малышу? Неужели не пришло в голову, что она опасна…

– Тому, кто его вручил, – спокойно пояснил Слава, – хорошо было известно, что отец и сын каждый вечер играют в войну. Они ведь это регулярно проделывали?

Я кивнула.

– Ну вот, – продолжил Слава, – у мальчишки много игрушечных пистолетиков. Не помнишь, кто последний дарил наган?

Я тяжело вздохнула. Легче сосчитать звезды на небе, чем Ванины стрелялки. По-моему, каждый день он получал новинку. Гости в доме не переводились, шли косяком, и каждый тащил подарки для детей. Лизе, как правило, Барби или коробки отвратительно дорогих конфет, Ване всевозможное оружие. Анна Ивановна страшно ругалась, потому что многие из «данайцев» вручали четырехлетнему ребенку совершенно неподходящие штучки. Например, не далее как во вторник он стал обладателем ружья, пуляющего крохотными, но увесистыми шариками. Сначала расшалившийся Ванечка перебил штук десять хрустальных фужеров, а потом случайно попал няне в бок. Анна Ивновна с негодованием демонстрировала на кухне огромный кровоподтек. Естественно, ружье отобрали. Еще у него имелся лук, стрелявший очень острыми стрелами. В среду няня чуть не убила Семена Говорова, того самого ведущего программу новостей на втором канале. Говоров вернулся из Японии и не нашел ничего лучше, как презентовать младшему Разумову нож для харакири, правда, сувенирный, но достаточно наточенный.

– Значит, не помнишь? – переспросил Слава.

Я покачала головой:

– Понимаешь, дверь открывала Анна Ивановна, я же прыгала вокруг кулебяки с капустой, боялась, подгорит. А гости всовывали детям коробки сразу. Лиза хвасталась большим набором с косметикой, Алина Кармен ей привезла, ну знаешь, певица. Лиза мне и показала. А вот кто и что дал Ванечке… Правда, потом на кухню Анна Ивановна притащила несколько пустых упаковок из-под игрушечного оружия…

– Где они? – живо поинтересовался Славка.

Я удивилась:

– Лежат в кладовке. Я никогда не выбрасываю хорошие картонки.

– Почему? – спросил он.

– В хозяйстве пригодятся, потом, у нас Кирюшка вечно что-то мастерил, вот по привычке я и прибрала.

– Рачительная ты, Лампа, и экономная, – с завистью отметил Слава. – Не то что моя Нюся, та все вышвырнет с визгом. А Елена Михайловна когда домой в тот день явилась?

– Часов в десять. Ты ее правда арестовал?

– Задержал, – сухо поправил майор. – Обвинение пока не предъявлено, но за этим дело не станет.

– Да за что?

Славка поморщился:

– Твоя хозяйка ловкачка, думала, концы в воду спрятала, ну просто смешно, небось начиталась мужниных детективов. Но дело-то выеденного яйца не стоит. Знаешь, что у каждого пистолета номер есть?

– Конечно.

– Так вот. Тот, из которого шлепнули Кондрата, зарегистрирован в милиции, все чинчинарем. Владелец его – Семенов Антон Петрович, к нему претензий нет. Потому как сей господин еще месяц тому назад заявил о пропаже оружия. Украли его, понимаешь, злые люди. Он пистолетик в «бардачке» своих «Жигулей» возил, так сказать, для собственной безопасности. Ну пока в магазин отлучился, машину вскрыли и сперли магнитолу, черные очки, перчатки и «зауэр». Понимаешь?

– Чего же тут непонятного? Из машин часто воруют.

– Ага, – пробормотал Славка, – правильно мыслишь, развелось жулья, рук не хватает всех переловить. Только, видишь ли, дело какое. Этот Антон Петрович – любовник Елены Михайловны Разумовой. И вышеназванная дама многократно жаловалась ему на тяготы семейной жизни, а потом откровенно предложила застрелить Кондрата. Семенов человек пугливый, он моментально отказался, но Елена не успокаивалась, обещая любовнику золотые горы. Тогда он разорвал с ней отношения, и тут пропал пистолет. Ну, чего молчишь?

А что сказать? Неужели Лена могла хладнокровно вложить орудие убийства в руки сына? Ведь она так волновалась за мальчика, что даже спешно отправила его на Кипр. Впрочем, может, потому так и спешила, чтобы убрать ребенка подальше. Не знаю, разрешает ли закон допрашивать четырехлетнего малыша, но Ваня бойкий мальчик, и если Лена и впрямь подарила ему пистолет… Ужас! И что теперь делать мне? Что будет с Лизой? Может, отвезти ее к родной матери?

– Слышь, Славка, – попросила я, – разреши мне поговорить с Леной.

– Зачем?

– Ну, во-первых, у меня на руках крупная сумма, выданная на хозяйство, потом Лиза, опять же, что делать с квартирой? И если ты ее арестовал, наверное, нужно передать пижаму, халат…

– Пижаму! – заржал Славка. – Только не забудь еще и бигуди.

– А что, нельзя?

– Лампудель, передачу можешь отдать завтра. Слева от центрального входа, если стоять к нему лицом, повернешь за угол и увидишь небольшую дверку, туда и принесешь. Только сегодня туда зайди, на список разрешенных вещей взгляни. Впрочем, я могу в кабинете ее покормить и дать сигарет. Хочешь, беги в магазин, тут рядом, приведут не сразу, полчаса есть.

Я кивнула и понеслась в ближайший гастроном.

ГЛАВА 4

Славка оставил нас одних в крохотном кабинетике для свиданий, правда, дверь снаружи он запер, а на окне красовалась частая решетка.

Лена выглядела плохо. Бледное лицо, лихорадочно блестящие глаза, растрепанные волосы и невероятно мятый костюм. Похоже, она спала не раздеваясь.

– Ешь, – велела я и выложила на письменный стол салат в пластмассовой коробочке, кусок копченой курицы, банку «Аква минерале» и три пачки «Вог».

Она схватила сигареты.

– Ешь, – повторила я.

– Не хочу.

– Надо же, а в газетах пишут, что в тюрьмах голодают!

Она пожала плечами:

– Носят жратву какую-то, только я в рот ничего взять не могу. Господи, за что мне это!

Я тактично промолчала и решила свернуть разговор на хозяйственные рельсы:

– Что делать с Лизой?

Лена буркнула:

– Понятия не имею. Позвони ее матери. Телефон найдешь в записной книжке – Сафонова Людмила.

– Потом, деньги на хозяйство…

– Слушай, Лампа, – забормотала хозяйка, – я тут долго не просижу, скоро недоразумение выяснится. Подожди просто.

– Говорят, ты убила Кондрата, – тихо уточнила я.

– Бред, – так же тихо, но четко ответила она. – Бред сивой кобылы! Ну зачем мне было убивать мужа? Посуди сама – все благосостояние от него.

Я молчала. Скорей всего, Лена не помнила, как с пьяных глаз рассказывала про новые романы, деньги и продажу квартиры.

– Он и впрямь мне надоел, – продолжала она, – не скрою, но жизнь жены модного литератора вполне комфортна, согласись!

Я кивнула:

– Еще говорят, что твой любовник уверяет…

– Антон – дрянь, – с яростью произнесла Лена. – Альфонс, жиголо, комнатная собачка! И если б я и впрямь решила пристрелить Кондрата, то никогда не обратилась бы к этому слизню, а наняла бы профессионала, киллера. Поверь, с моими деньгами это нетрудно. Подготовила бы алиби, улетела за границу и, уж конечно, никогда бы не стала впутывать ребенка. Я же не дура! Антона я ни о чем не просила!

– Но зачем ему придумывать такое!

– В этом весь вопрос, – вздохнула она. – Он меня специально оговорил.

Мы помолчали пару минут, потом хозяйка хлопнула ладонью по столу.

– Значит, так! Вечером сюда явится адвокат, и самое позднее к завтрашнему утру я освобожусь.

Потом ее увели. Мы остались со Славкой вдвоем.

– Славик, – попросила я, – можешь сделать так, чтобы мне разрешили жить вместе с Лизой, чтобы ее не отправили к родной матери? Ну представить меня теткой, что ли!

– Ладно, – согласился майор, – так уж и быть, помогу.

Потом он помолчал минуту и сказал:

– Либо сегодня вечером, либо завтра с утра могут прийти с обыском, усекла?

Я кивнула. Все понятно, прямо сейчас вытащу деньги из сейфа и унесу из дома, спрячу в надежном месте, а как только милиция уедет, вновь положу на место. Впрочем, может, Лену завтра уже отпустят…

Но назавтра она не вернулась, я прождала до обеда и позвонила Славке.

– Митрофанов, – рявкнул в трубку незнакомый голос.

– Будьте любезны Самоненко.

– Он в больнице, – коротко сообщил мужик и тут же отсоединился.

Полная дурных предчувствий, я набрала домашний номер майора. Схвативший первым трубку семилетний Рома заорал:

– Тетя Лампа, а папа заболел!

– Дай сюда, – велела мать и зачастила: – Слышь, Лампуша, вот уж не повезло, аппендицит скрутил. То-то он жаловался, что бок все время болит. Ночью по «Скорой» сволокли в Боткинскую и соперировали. В реанимации он, туда никого не пускают.

Я повесила трубку и растерянно посмотрела в окно, что делать?

Володя на берегу моря, Славка в больнице, помочь мне некому. Где-то около пяти раздался телефонный звонок. Мужчина, говоривший хорошо поставленным голосом, назвался адвокатом, Филимоновым Игорем Львовичем, и сообщил:

– Елене Михайловне предъявлено обвинение.

– И что? – испугалась я.

– Пока ничего, – спокойно ответил защитник. – Дело будете иметь со мной. Приезжайте, улица Крылатские Холмы, записку передам.

Плохо понимая происходящее, я натянула куртку и крикнула Лизе:

– Скоро вернусь!

Но всегда послушная, слегка апатичная девочка взбунтовалась:

– Не хочу оставаться одна!

– Это еще почему?

– Боюсь!

– Включи телевизор.

– Я никогда не сидела дома одна, – выпалила Лиза и разрыдалась.

Я тяжело вздохнула. А ведь правда. В квартире постоянно кто-то находился, и девочка никогда не оставалась одна.

– Я боюсь, – хныкала Лиза, – в комнате кто-то вздыхает, пол скрипит, боюсь…

– Одевайся, – велела я, – поедем вместе.

Она нацепила курточку и выпалила:

– Я готова.

На улице она уверенно двинулась в сторону гаража.

– Ты куда? – поинтересовалась я.

– Как – куда? – удивилась Лиза. – К машине.

Я посмотрела на нее. Действительно, вот в гараже стоят два роскошных дорогих автомобиля, но мы отправимся на метро. Во-первых, мне никто не давал разрешения на пользование джипом и «Фольксвагеном», а во-вторых, я не умею водить.

В метро Лиза поскучнела и пробормотала:

– Фу, плохо пахнет.

– Обычно, – ответила я. – Как всегда.

– Отвратительно, – настаивала она, потом прибавила: – И никто место женщине с ребенком не уступил.

Мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, что под ребенком она подразумевает себя.

Игорь Львович оказался приятным мужчиной лет тридцати пяти. Мило улыбаясь, он протянул мне скатанную трубочкой бумажку. Я развернула «маляву» и принялась разбирать крохотные буковки: «Лампа, у меня другой следователь – Митрофанов Андрей Сергеевич, жуткая гнида, пообещал засадить на много лет. У него якобы есть какие-то доказательства мой вины. Не верь ничему и жди меня. Деньги в сейфе за картиной с зимним пейзажем, шифр в ящике письменного стола. Трать на хозяйство, не стесняйся. Бери мою машину. Съезди к этой сволочи Антону, Коломенский проезд, 18, квартира 17, и узнай, сколько он возьмет за то, чтобы отказаться от показаний. Игорю Львовичу можешь доверять. Надеюсь, ты меня не бросишь в тяжелую минуту. Хотя, если убежишь, не обижусь, все друзья лишь до появления первого милиционера».

«А мы и не дружили с тобой, – мысленно попробовала я поспорить с Леной. – Я нанималась к тебе экономкой».

– Где она? – спросила я у адвоката.

– В СИЗО, – ответил тот. – Кстати, вы, наверное, не захотите выстаивать с полной сумкой в очередях, оставьте деньги, у меня есть женщина, которая будет носить передачи.

Я полезла в кошелек и, отдавая ему ворох сотенных бумажек, поинтересовалась:

– Тут Лена пишет про какие-то доказательства ее вины…

Филимонов поджал губы:

– К сожалению, положение вашей двоюродной сестры сложное. Господин Семенов, с которым она поддерживала интимные отношения, оказался человеком нечистоплотным, крутил роман еще с одной дамой, Ангелиной Брит. Своих любовниц он принимал в строго назначенное время, боясь, что они столкнутся, и тогда скандала не миновать.

Но однажды Ангелина пришла в неурочный час и, стоя под дверью, а двери в «хрущобе», где проживает Семенов, сделаны из картона, услышала, что любовник ссорится с какой-то бабой. Сгорая от любопытства, она приложила ухо к замочной скважине и вся превратилась в слух.

– Уходи, – говорил Антон.

– Десять тысяч дам, если согласишься пристрелить Кондрата.

– С ума сошла! Убирайся!

– Пятнадцать!

– Сказал же, уйди!

– Двадцать!

– Послушай, я не пойду на убийство даже за миллиард!

– Идиот! – отрезала дама, и загрохотал замок.

Лина едва успела сбежать по лестнице вниз. Слава богу, Антон живет на первом этаже, и она пулей вылетела во двор. Вслед за ней на космической скорости вынеслась элегантная дама, села в синий «Фольксваген» и укатила.

Ангелина устроила Антону допрос с пристрастием. Мужик все подтвердил.

– Это моя бывшая любовница Лена, жена известного писателя Кондрата Разумова, – пояснил он. – Совсем с ума сошла, явилась нанимать меня в качестве киллера.

– А как следователь узнал про Ангелину? – поинтересовалась я.

– Она сама явилась. Прочитала в «Московском комсомольце», что Разумова арестована, и позвонила в милицию.

Да, похоже, Лена сильно влипла.

Не успели мы выйти на улицу, как Лиза занудила:

– Пить хочу.

– Потерпи до дома.

– Сейчас хочу, купи колу.

– Где?

– В ларьке.

Пришлось раскошелиться на банку. Выдув содержимое примерно наполовину, девчонка выбросила остальное в ближайший сугроб. Я не выдержала:

– Ну зачем? Там же еще осталось!

Она уставилась на меня круглыми глазами.

– Я не хочу больше, нести, что ли, в руке до дома?

– Надо было пакетик сока купить, он меньше.

Девчонка хмыкнула:

– Подумаешь, сто грамм воды вылилось!

– Но банка дороже!

– Мы что, нищие?

В переходе она затормозила у ларька с игрушками и восторженно взвизгнула:

– Ой, какая прелесть! Купи!

Я проследила за ее пальцем, указывающим на плюшевую собачку, и, решив не потакать капризам, категорично отрезала:

– Никогда!

– Почему? – оторопела Лиза.

– Денег нет.

– Как – нет?

– Кончились.

– Почему кончились? – недоумевала девочка.

– Потому что все вышли. Ты что, не знаешь, как деньги заканчиваются?

– Нет, – совершенно искренне ответила она и добавила: – У папы они всегда есть.

– Папа умер, – жестко сказала я. – Нам надо жить по средствам.

– А-а, – протянула Лиза и уточнила: – Значит, не купишь?

– Нет.

Из глаз девчонки полились крупные слезы, но я не дрогнула и всю дорогу до дома слушала душераздирающие всхлипывания. Ужинать Лиза не стала и демонстративно удалилась в детскую. Я решила сделать вид, что ничего не произошло, и крикнула:

– Чисти зубы и укладывайся!

– Не буду, – донеслось в ответ.

Я поставила чайник и вытащила тетрадь для расходов. Трачу не свои, следует аккуратно записывать. Итак, тысяча рублей отдана адвокату на передачу…

– Зубы почищу, только если принесешь собачку, – сказала Лиза, просовывая голову в кухню.

– Бога ради, не чисти.

Она удивилась:

– Ты не настаиваешь?

– Зачем? Твои зубы – тебе с ними и мучиться, начнется кариес…

– И тебе все равно?

– Абсолютно, – заверила я ее. – Мне со своими забот хватает.

– Есть хочу!

– Возьми в холодильнике.

– Дай!

– Извини, я занята.

Лиза разинула рот:

– Чем?

– Своими делами. Думаю, будет правильно, если ты мне сделаешь чай и бутерброды.

– Я тебе? – обомлела она.

– Конечно. Приготовь повкусней и отнеси к телевизору. Закончу писать, и посмотрим фильм.

– Вместе? – вновь остолбенела девчонка.

– Конечно. Попьем чайку, поболтаем.

– Со мной никто не пил чай у телика, – пробормотала Лизавета.

– Да? А вот мы с Кирюшей частенько баловали себя таким образом.

– Кто это – Кирюша?

Решив не вдаваться в подробности, я ответила:

– Мой сын.

– А с кем он сейчас?

– Уехал в Америку со своей матерью.

– Как это? – изумилась Лиза. – Твой сын уехал со своей матерью?

Я оторвалась от расчетов.

– Потом объясню, а сейчас сделай милость, не мешай. Видишь, деньги считаю.

– Ты же говорила, что их нет!

– На игрушки нет. Это на еду.

Лиза обиженно засопела. Я вновь взяла калькулятор, краем глаза наблюдая, как она вытаскивает из холодильника сыр. Потом она несколько раз пыталась привлечь меня к приготовлению еды, вскрикивая:

– Лампа, отрежь масло!

Или:

– Где лежит хлеб?

Но я не поддалась на провокации. Вмешалась только один раз, когда увидела, что Лиза пытается залить пакетик с «Ахматом» чуть теплой водой, а не крутым кипятком.

Примерно через полчаса мы сидели у нее в комнате. Перед нами на тарелочке лежали чудовищного вида бутерброды. Огромные, толстые, кое-как отрезанные кусищи белого хлеба, обмазанные сливочным маслом. Сверху красовались ломти сыра размером со словарь иностранных слов. В качестве украшения Лиза пристроила сверху крохотную веточку увядшей петрушки. И это желание украсить еду тронуло меня до глубины души.

Программа не обещала ничего хорошего, и мы, выбрав кассету про суперумного поросенка, уставились в экран. Лиза радостно хохотала, я улыбалась и пыталась доесть сырно-масляно-хлебную гору. Девочка-то неплохая, только очень избалована и ничего не умеет делать, да и откуда взяться навыкам, если ей до сих пор все подавали.

Около одиннадцати она безропотно умылась и легла. Я отметила, что она сама разобрала кровать, а не призвала меня, и крикнула:

– Спокойной ночи!

В районе полуночи мне захотелось пить, и я пошла на кухню, в комнате девочки раздался вздох.

– Ты не спишь? – удивилась я.

– Нет.

– Почему?

Лиза шмыгнула носом и промолчала. Впрочем, понятно, она привыкла укладываться около часу. Я вошла в детскую и велела:

– Давай спи спокойно.

– Меня папа всегда на ночь целовал, – прошептала она.

Я наклонилась и обняла девочку. Пахло от нее, как от шестимесячного щенка, – молоком, шампунем и чем-то приятным. Вспомнив наших мопсих Аду и Мулю, я вздохнула. Интересно, почему Разумовы не завели животных?

– Спи, детка, все будет хорошо.

Лиза напряженно сопела, потом попросила:

– Спой мне песенку.

– Песенку?

– Да, – прошептала девочка. – Анна Ивановна иногда уложит Ваню и ко мне заходит, колыбельную поет.

Я растерялась. Если чего и не знаю, так это колыбельных. Кирюшка никогда не просил ничего такого. Он любит перед сном поболтать о головоломках и кроссвордах. Вдруг из глубин памяти выплыли слова, и я невольно запела:

– Ай баю, баю, баю, не ложися на краю, придет серенький бычок, схватит Лизу за бочок, баю бай, баю бай…

В полной тишине мой голос звучал словно в соборе, ударяясь о стены. Девочка слегка повозилась в кровати и засопела. Я посидела еще пару минут, гладя ее по голове. Потом, удостоверившись, что мой великовозрастный младенец заснул, ушла к себе.

ГЛАВА 5

Утром я принялась обзванивать знакомых Лены. На свидание в тюрьму пускают не только близких родственников, и мне хотелось найти хоть кого-то, кто пришел бы и поддержал ее. На букве Д я поняла, что предпринимаю зряшные усилия. Реакция у всех была одинаковой. Сначала со мной мило разговаривали, но, лишь речь заходила о Лене и тюрьме, тон собеседников и собеседниц резко менялся. Друзья и подруги невразумительно мямлили о редкой занятости, отсутствии свободного времени. Кое-кто спешно уезжал, кое-кто страшно, просто смертельно болел. Лишь одна дама проявила честность и рявкнула:

– Никогда не звоните в наш дом. Мы с убийцей не хотим иметь никакого дела!

– Почему вы решили, что Лена убийца?

– Вчерашний «Московский комсомолец» читали? Нет? Так поинтересуйтесь! – И она со злостью швырнула трубку.

Я пошла к почтовому ящику, вытащила ворох газет и прочла заметку.

«Сегодня жене известного литератора Кондрата Разумова Елене предъявлено обвинение в убийстве мужа.

– Конечно, она отрицает свою вину, – сообщил нашему корреспонденту следователь Митрофанов, – но думаю, что под тяжестью улик ей придется сознаться. Вина Разумовой будет доказана полностью.

– Значит, вы считаете, что в этом громком преступлении виновата супруга?

– Без сомнений. Она единственная подозреваемая, и более того, у нас полно свидетелей».

Я отложила газету. Странное интервью. Насколько я знаю, никто не может быть объявлен виноватым, кроме как по приговору суда. До приговора любой обвиняемый считается невиновным. Крайне непрофессионально со стороны следователя делать подобные заявления. Но свою роль заметка сыграла. Похоже, что почти все знакомые отвернулись от Лены.

Я упорно продолжала набирать все новые и новые номера и через час знала: нет, не почти все отвернулись от Лены, а просто все, поголовно. Никто не хотел иметь дело с убийцей.

Разговор с матерью Лизы я оставила напоследок. Трубку подняли на пятнадцатый гудок, и хрипловатый голос сонно пробормотал:

– Алло.

– Позовите Сафонову Людмилу Николаевну.

– Я слушаю, – откровенно зевнула собеседница.

Но дрема моментально слетела с нее, как только она услышала про новости.

– Душенька, – запела она, – но я совершенно не могу взять Лизу!

– Почему?

– Во-первых, завтра в час дня я выхожу замуж и улетаю с мужем в свадебное путешествие. Как вы себе представляете медовый месяц вместе с ребенком-подростком?

Я молчала.

– И потом, – продолжала капризно Людмила, – я больше не являюсь матерью Лизы.

– Как это?

– Очень просто. При разводе девочка осталась с отцом. Ей был тогда год. Кондрат не давал мне отступного, пока я не согласилась на отказ от материнских прав.

– Отступного? – не поняла я.

– Дорогуша, – процедила Сафонова, – Кондрат был жуткий бабник, ловелас, любитель юбок. Будучи в браке со мной, он решил жениться на этой мелкой сучке Катьке Вавиловой, вот и предложил мне собирать чемодан. Но я не дура и потребовала отступного и ежеме-

сячные алименты. Кондрат уже тогда печатался и в средствах не был стеснен. А он, в свою очередь, выдвинул условие – дочь остается с ним, причем я отказываюсь от нее официально, иначе денег не даст ни копейки. И что мне оставалось делать? Девочке лучше было у отца, он мог обеспечить ей нужный уровень жизни, а я нищая… Понятно?

Более чем, продала дочь и рада. Шмякнув трубкой о рычаг, я призадумалась: что теперь делать?

Поколебавшись минут пять, я позвонила следователю Митрофанову и нагло заявила:

– Надо поговорить.

– Вы кто? – изумился мужик.

– Близкая приятельница Славы Самоненко, Романова.

– И зачем я вам понадобился?

– Слава в больнице, с аппендицитом.

– Знаю.

– Когда примете меня?

– Да зачем?

– По телефону нельзя, – загадочно сообщила я.

– Приезжайте сейчас, – коротко бросил мужик.

Митрофанов оказался полноватым коротконогим парнем с нездорово отечным лицом. Либо пьет втихую, либо мучается почками. Маленькие глазки терялись под пышными, сросшимися на переносице бровями. Зато на голове волос было мало, и следователь старательно маскировал плешь, зачесывая волосы сбоку. Рот у него был презрительно сжат и напоминал куриную гузку. Словом, Митрофанов мне решительно не понравился. Как и я ему, потому что мужик окинул меня оценивающим взглядом и холодно поинтересовался:

– Чему обязан?

– Разрешите мне свидание с Разумовой.

– Это еще зачем?

Минут десять я уговаривала мужика, приводя те или иные аргументы, но сломался он только тогда, когда дверь в кабинет распахнулась и вошел Леня Меньшов. Я не приятельствую с ним, как со Славой и Володей, но все же знакома.

– Лампа? – удивился Меньшов. – Славка-то в Боткинской, слыхала?

Я кивнула.

– Ты ее знаешь? – поинтересовался Митрофанов.

– Конечно, – засмеялся Ленька. – Это мать Славкиного сыночка.

Митрофанов чуть не упал со стула.

– Мать сына?!

– Да я шучу, – объяснил Леня. – У Лампы дома живут два мопса, вот она Славкиной жене и подарила щенка, Вальтера. А Самоненко совсем с ума съехал, всем рассказывает про «сыночка», фотографии под нос сует. Неужели тебе альбомчик не показывал: Вальтер на диване, Вальтер с мячом, Вальтер спит…

– Показывал, – буркнул Митрофанов.

Короче, через час привели Лену. Следователь демонстративно взял в руки газету, но страницами не шуршал, скорее всего слушал.

Лена выглядела подавленной. Бледность лица перешла в желтизну, и пахло от нее чем-то затхлым, но лицо было аккуратно подкрашено, волосы причесаны. Выслушав про мои разговоры с ее знакомыми и про беседу с Лизиной матерью, она протянула:

– Ну а ты тоже думаешь, что видишь перед собой убийцу?

Я постаралась ответить поделикатней:

– У меня не слишком много информации по данному вопросу.

Внезапно ее глаза наполнились слезами.

– Лампа, клянусь здоровьем, я не убивала Кондрата. Честное слово.

Ее лицо уверенной в себе женщины вмиг превратилось в мордочку несчастного ребенка, потерявшегося в шумной толпе.

– Кто-то подставляет меня, специально оговаривает. Не просила я Антона никого убивать. Мне бы в голову не пришло обратиться к этому слизню.

– Но он говорит…

– Значит, ему заплатили, – уверенно сказала Лена. – Сходи к нему, Коломенский проезд, 18, и потряси за бока.

– Свидание закончено, – быстро подал голос Митрофанов, складывая газету.

Лена схватила меня за руку и быстро-быстро зашептала:

– Слышь, Лампа, все друзья бросили, родственников нет, адвокат балбес, лапки сложил, помоги, съезди к Антону, предложи ему денег.

В комнату вошел конвой.

– Разумова, пошли.

Но Лена не собиралась вставать.

– Все равно освобожусь, тебе заплачу, возьми все деньги в сейфе, только помоги.

– Разумова, двигай, – велел милиционер.

Она встала, дошла до двери, потом обернулась и тихим голосом сказала:

– Если ты бросишь, мне точно каюк. Видишь, как все складывается.

– Вы уверены, что она убийца? – спросила я у Митрофанова.

– Абсолютно, – ответил тот.

– Но…

– Никаких «но».

– Она отрицает!

– Все отрицают…

– Однако…

– Есть еще ко мне вопросы? – рассердился следователь. – У меня дел полно!

Я глянула в его одутловатое, злое лицо. Вопросов нет, господин Митрофанов уже все решил, и сдвинуть с занимаемой позиции его может только нечто экстраординарное, например, признание истинного убийцы. Потому что я верю Лене без всяких оснований, просто так, верю, и все, хотя это, конечно, может показаться странным.

В небольшом магазинчике, купив стаканчик отвратительного кофе и замечательно вкусную булочку с маком, я приняла окончательное решение. Итак, Лиза остается со мной. Девочке просто некуда деться. Я же потрачу все силы, чтобы найти истинного убийцу Кондрата. Ну не верю я в то, что мать хладнокровно дала ребенку боевое оружие. Даже если она ненавидела мужа и имела легион любовников. Ни одна мать не пойдет на такое, побоится, что малыш нанесет вред себе. А Лена искренне любит Ванечку. Да, она замечательная лентяйка, предпочитающая жить в свое удовольствие – спать до полудня, гулять до полуночи. Да, она наняла няню и не занимается мальчиком сама, но сына любит. Я видела, как она обнимает и целует его… И потом, ну зачем ей убивать Кондрата? Я жила в доме и наблюдала ситуацию изнутри. Похоже, что литератор не слишком много времени проводил с женой. Уж не знаю, какие отношения связывали их раньше, но сейчас они были ровные, спокойные, без страсти. Спали супруги в разных комнатах. Ежедневные гости не слишком способствовали романтическим отношениям, но, похоже, обе стороны подобное положение вещей устраивало полностью. Кроме того, скажите, ну кто убивает курицу, несущую золотые яйца? А Кондрат был для Лены именно такой несушкой. Конечно, она говорила про новые романы, спрятанные деньги, огромную квартиру, но…

Но Лена неглупа и отлично знает, что в нашем обществе выгодней быть женой писателя, чем его вдовой. Потому что поклявшиеся в вечной дружбе за поминальном столом

люди наутро моментально забудут не только обещания, но и телефон, адрес, да и имя-отчество вдовы. Так, на всякий случай, вдруг и впрямь о чем-нибудь попросит. А уж арест действует как лакмусовая бумага.

У Лены осталась только я. Она наняла меня на работу, заплатила за месяц вперед, и, по-хорошему, я до сих пор являлась ее экономкой. И если хозяйка просит съездить к Семенову, то я просто обязана выполнить приказ.

Уговаривая себя, я дошла до метро и, засовывая в телефон-автомат карточку, наконец призналась самой себе. Да Лена мне просто нравится, и потом, не привыкла я бросать человека в беде, к тому я же обожаю детективы…

– Да, – сказала Лиза.

– Ты не волнуйся, часа через два я приеду.

– Хорошо, – прошелестела девочка.

– Возьми в холодильнике еду.

– Ладно.

Нет, определенно, нужно что-то придумать, Лизавета явно боится оставаться одна.

Дом 18 по Коломенскому проезду давно не ремонтировался. Дверь в подъезд угрожающе раскачивалась на одной петле. Наверное, городские власти не хотят тратить зря средства – пятиэтажка явно предназначена к сносу.

У Семенова в квартире никто не отзывался. Я присела на подоконник и закурила. Тут же распахнулась дверь соседней квартиры, и высунулся парень:

– Чего сидишь?

Я решила не обращать внимания на хамство и вежливо ответила:

– Жду Антона. Не знаете, где он?

Парень вылез на лестницу, почесался и сообщил:

– В табачный ларек двинул, обещался и мне сигарет принесть. Закурить не дашь?

– У меня ментоловый «Вог».

– Отрава, – резюмировал сосед. – Давай, других-то нет!

Он закурил и через секунду загасил сигарету.

– Не понравилась? – ехидно спросила я.

– Жуть, – хмыкнул юноша и ткнул пальцем в окно. – Вон Антошка идет. Надеюсь, купил «Мальборо».

Я проследила за его рукой и увидела высокого, стройного парня в черной куртке, не спеша пересекавшего пустой проспект.

– Ползет, кавалер, – хмыкнул сосед.

– Почему кавалер? – вяло поинтересовалась я, но ответа не услышала.

Откуда-то сбоку, из переулка, выскочила темная машина с квадратным задом и понеслась в сторону Семенова. Не ожидавший ничего дурного, Антон замер как раз посередине дороги. Автомобиль летел прямо на него. Парень рванул к тротуару, но шофер оказался проворней. Раздался глухой стук. Мы смотрели в окно, разинув рты. Взвизгнув на повороте, машина-убийца умчалась на шоссе, возле автобусной остановки осталось лежать тело.

Перепрыгивая через две ступеньки, я вынеслась на улицу и чуть не заорала от ужаса. У Антона просто не было головы. Череп раскололся почти пополам, внутри виднелось что-то тошнотворно-желтоватое, и вокруг медленно-медленно разливалась темно-бордовая, почти черная лужа. В правой руке трупа был блок сигарет. Отметив, что он купил-таки «Мальборо», я завизжала:

– Кто-нибудь, помогите!

Улица начала медленно наполняться народом. Потом приехала милиция. Хмурая женщина лет сорока стала меня допрашивать:

– Номер машины?

– Не разглядела.

– Цвет?

– Вроде черный.

– Марка?

– Не знаю, зад квадратный.

Дама вздохнула и, записав мои паспортные данные, сообщила:

– Вы свободны.

На плохо слушающихся ногах я добралась до метро и, забившись в самый укромный угол, закрыла глаза. Моментально возникла картина: мечущийся по шоссе парень и неумолимо давящая его железка. Я вздрогнула. Это был не случайный наезд, а хладнокровное убийство. На пустой дороге у водителя было полно места для маневра. Может, отказало рулевое управление или тормоза? Но, судя по тому, с какой скоростью шофер покинул место происшествия, подобное маловероятно.

Плохо соображая, я вошла в квартиру и крикнула:

– Лизавета, ты, наверное, есть хочешь?

Девочка вынырнула из кухни и гордо заявила:

– Нет. Я сварила суп.

– Что?!

– Суп, – повторила Лиза, сияя. – Попробуй, я сделала две порции.

Тут только мой нос уловил запах какой-то пищи. На кухне девочка гордо сняла крышку с кастрюльки и сообщила:

– Вот, по-моему, отлично вышло.

Перед моими глазами предстало нечто серо-желто-оранжевое с подозрительно розовыми кусочками.

– Надо добавить сметану, – вздохнула Лиза. – Только ее у нас нет. Ты не знаешь, где покупают сметану?

– В магазине, у метро, – машинально ответила я и, осторожно зачерпнув мешанину ложкой, поинтересовалась: – Из чего супчик?

– Из сосисок, – охотно поделилась секретом Лиза.

– Каких?

– Ну тех, что в холодильнике лежали, – затарахтела девочка и принялась рассказывать.

Собираясь сделать суп, она не знала, с чего начать, и отыскала поваренную книгу. Уяснив, что самое вкусное первое получается из мяса, девчонка кинулась к холодильнику и обнаружила, что говядины нет, только в углу морозильника сиротливо лежала кучка намертво смерзшихся сосисок. В связи со всеми происшедшими событиями я несколько дней не заглядывала в магазины, и наши припасы растаяли.

Решив, что сосиски тоже мясо, Лизок мелко искрошила их и поставила варить, потом положила в кастрюльку картошку, морковку, лук, немного вермишели, гречневой крупы и добавила для пущего вкуса томат-пасту. Первое получилось отменное, жаль, сметанки не хватает, потому что все рецепты заканчиваются одинаково: «Положите в тарелку сметану и подавайте к столу».

Глядя на ее абсолютно счастливое лицо, я смело налила суп в тарелку и стала есть варево, приговаривая:

– М-м, как вкусно. Лизок, у тебя явный талант.

Она скромно потупила глаза и попросила:

– Научи меня заваривать чай, не из пакетика, а настоящий.

– Без проблем, – ответила я и потянулась к жестяной коробке, где хранилась заварка.

В ту же секунду меня осенило, и я удивилась.

– Лизок, а как ты зажгла плиту?

Она вздохнула.

– Ужасно трудно. Крутила, крутила ручки, и ничего. Потом взяла в кабинете зажигалку, подпалила газету и поднесла к горелке. А как ее надо включать?

– Просто, – ответила я. – Поворачиваешь ручку и нажимаешь на эту кнопку. Смотри, раз!

Вмонтированная внутри плиты зажигалка сухо щелкнула, вмиг загорелось веселое сине-оранжевое пламя.

– Ну и дура же я! – искренне воскликнула Лиза. – Второй такой на свете нет!

Я молча наливала воду в чайник, потом все же призналась:

– Знаешь, Лизок, вторая такая дура есть – это я.

– Ты? – изумилась она.

– Еще не так давно я не умела ничего делать, – вздохнула я. – И первый раз разжигала плиту точно таким же «газетным» способом.

ГЛАВА 6

До полуночи мы с Лизой обсуждали нашу будущую жизнь. Потом приняли ряд стратегических решений. Огромные просторы двоим женщинам не нужны. Безумное количество комнат требует такого же безумного времени на их уборку. Поэтому оставляем для жизни мою спальню, Лизину детскую, гостиную, кухню и одну ванную с туалетом. Остальные помещения закрываем, ходить туда без особой надобности не будем. Далее. Отменяем всех репетиторов, и Лиза идет в обычную школу, хватит ей томиться без друзей.

– Кто же меня возьмет? – робко спросила девочка.

– А почему ты училась дома? – поинтересовалась я.

Она горестно вздохнула. Сначала ее отдали в колледж, где девочка благополучно проучилась до второго класса. Но учебное заведение назначило слишком высокую ежемесячную плату и прогорело. Тогда отец отправил Лизавету в американскую скул. Там преподавали коренные вашингтонцы только на своем родном языке и только свои предметы – историю Америки, ее литературу и географию. Через год Кондрат, случайно разговорившийся с Лизой о школе, ахнул. Девочка знала о Драйзере, но ничего не слышала о Лермонтове, более того, писать и читать по-русски она не умела. Схватившись за голову, отец определил дочь в другое учебное заведение. Но писателя, желавшего, чтобы девочка полюбила родной язык, шатнуло в другую сторону, и он пристроил ее в славянский институт благородных девиц. Там ходили в красивых сарафанчиках, учились вышивать, петь, танцевать, слагать стихи. Более того, два раза в неделю преподавали Закон Божий, и приходящий батюшка пугал детей геенной огненной. На время Великого поста из буфета пропадали мясные блюда, и каждый день начинался с молитвы.

Услышав, как Лиза бормочет перед обедом «Отче наш», Кондрат взбеленился и с воплем: «Монашка в нашей семье ни к чему!» – забрал дочь. Устроив Лизавете экзамен, папенька понял, что голова дочурки забита диковинными сведениями. Ребенок мог без запинки назвать церковные праздники, сообщить о муках первых христиан и вышить крестиком собор Василия Блаженного. Вместо русских сказок и книг вообще Лизок читала Жития святых. Таблицу умножения и правописание «жи» и «ши» ребенок не знал. Схватившись в очередной раз за голову, Кондрат отыскал математическую школу, где преподавали по высшему разряду точные науки. Находилось заведение в области, каждое утро Лизавету отвозили на уроки, а в восемь вечера забирали. В лицее имелось все: бассейн, катание на пони, обед из трех блюд, занятия ритмикой… Не было только обещанных глубоких знаний. Уроки длились по тридцать минут, детей старались не нагружать, уделяя особое внимание закаливанию. Зимой и летом их выводили босиком во двор, школьники делали зарядку на свежем воздухе. Следует отметить, что за два года, проведенные в санаторных условиях, Лиза ни разу не чихнула, но таблицу умножения так и не освоила. В лицее, писавшем в рекламном объявлении: «Преподаем математику лучше всех в России», изучение злополучной таблицы начинали в восьмом классе.

Отчаявшись найти для ребенка хорошую школу, Кондрат нанял учителей, и Лиза осела дома.

– А тебя не пробовали отдать в самую обычную, городскую школу? – поинтересовалась я.

– Там по сорок детей в классе и учительница указкой дерется, – повторила явно чужие слова Лиза.

– Случается и такое, – согласилась я. – Вот что, завтра пойдем в ту, где учился до отъезда Кирюшка. Кстати, она рядом, одна остановка на метро, будешь сама ходить.

– Я! – ужаснулась Лиза. – Одна по улицам! Но там кругом насильники! Девочке нельзя без сопровождающего.

– Слушай, – вышла я из себя. – Я живу на свете поболее твоего и до сих пор не встретила ни одного насильника. – Потом помолчала и добавила: – К счастью.

На следующий день, поднявшись рано, мы отправились в Дегтярный переулок. Кирюшкина классная руководительница Людмила Геннадьевна носит прозвище Милочка и полностью ему соответствует, к тому же она преподает математику и обладает настоящим христианским терпением. Во всяком случае, объяснять материал она может бесконечно, разжевывая его до такой степени, что ученикам не остается ничего делать, кроме как глотать поданное.

Мы посекретничали в учительской, потом сбегали к директору, и в одиннадцать утра я унеслась, пообещав Лизе, что зайду за ней около пяти.

Путь мой лежал к свидетельнице Ангелине Брит, столь удачно подслушавшей разговор Лены и Антона. Все в ее показаниях казалось странным. Ну зачем обсуждать проблему убийства в коридоре, возле хилой входной двери? Почему бы не сделать это в комнате, предварительно убедившись, что рядом никого нет. И еще одно, листая телефонную книжку Лены, я наткнулась на фамилию Брит, редкую, совсем не распространенную.

На звонок ответила девица.

– Ангелину можно?

– Слушаю.

– Мне надо с вами встретиться.

– Зачем? – резонно спросила она.

Я секунду поколебалась и решила пока не говорить правды.

– У вас есть знакомые за границей?

– Да, – ответила Ангелина, очевидно, она была не слишком умна. – Женя Фейгенберг в Израиле. А что?

– Она прислала вам посылку. Хочу отдать.

– Класс, – взвизгнула Брит. – Ну, Женька, вспомнила про мой день рождения. Можете домой ко мне приехать? Уж извините, я приболела слегка.

И, испугавшись, что я не поеду к гриппозной даме, она быстренько добавила:

– Ничего серьезного, межреберная невралгия: прыгнула после бани в ледяной бассейн, меня и скрутило.

– Ладно, – изображая недовольство, пробормотала я. – Так уж и быть, давайте адрес.

К дому Ангелины я подскочила, запыхавшись. В моих руках покачивался пакет, изображающий посылку. Недолго мучаясь, я заскочила по дороге в обувной магазин, выпросила коробочку, набила ее старыми газетами, обернула в красивую подарочную бумагу… Суну Ангелине в дверях, небось не станет при мне открывать и пригласит выпить кофейку, а там уж как-нибудь начнем говорить на интересующую меня тему.

Но вышло не совсем так, как я предполагала. Брит, красивая, рослая брюнетка, всплеснув руками, сказала:

– Ну и хлопот я вам доставила! Сначала посылку из Израиловки волокли, а теперь еще и на дом доставили. Хотите кофейку?

Радуясь, что пока все идет по плану, я кивнула, и меня препроводили на кокетливо убранную кухню, всю в рюшечках, бантиках и керамических свинках.

– Садитесь, садитесь, – щебетала хозяйка, включая чайник. – Есть чудесный торт, «Наполеон».

Я расслабилась, но тут произошло непредвиденное. Со словами: «Ну-ка посмотрим, что Женюрка прислала», – Лина быстро содрала с «подарка» хрусткую бумагу, подняла крышку и во все глаза уставилась на скомканные «Мегаполисы».

– Это что? – оторопев спросила она. – У Женьки «крыша» съехала?

– Нет, – ответила я. – Ваша подруга не имеет к этому пакету никакого отношения.

В этот момент чайник, выключаясь, щелкнул, и Лина так и подскочила.

– Ой! Вы кто?

– Евлампия Романова.

– Что вам надо? – испуганно поинтересовалась она. – Кто вас прислал?

– Сама пришла, – усмехнулась я. – Вопрос задать хочу.

– Какой? – неожиданно побледнев, спросила Ангелина.

– Почему вы соврали следователю о том, что подслушали разговор Лены Разумовой с Антоном Семеновым?

Брит помертвела, потом вспыхнула ярким цветом. Неровные пятна поползли со лба на щеки, потом на шею. Так внезапно краснеют женщины от климактерических приливов. Ангелине явно стало жарко, на верхней губе выступили капельки пота, и она судорожно облизнулась. Но ни о каком климаксе не могло быть и речи: девице едва за двадцать, максимум двадцать пять, и она просто жутко испугалась, патологически, почти до обморока.

– Так как, детка? – проникновенно запела я. – Будем говорить правду или поедем на Петровку? Кстати, знаете, что человека, который намеренно обманывает сотрудников правоохранительных органов, крепко наказывают! Это называется на языке Уголовного кодекса «лжесвидетельство», и дают за него ни много ни мало пятнадцать лет.

– Сколько??? – в ужасе залепетала дурочка, никогда не читавшая кодекс. – Сколько???

– Много, – успокоила ее я. – Лучше сразу признаться, тогда просто пальчиком погрозят.

– Кто вы? – наконец сообразила задать вопрос она.

– Частный детектив, нанятый адвокатом Елены Михайловны Разумовой, – спокойно пояснила я, и, увидав, что щеки Лины приобрели цвет снятого молока, добавила: – Так кофейком угостите? Хотя я предпочитаю чай, цейлонский, крупнолистовой.

– Це-цейлонского нет, – пролепетала Ангелина. – Только «Липтон» в пакетиках.

– Ладно, – милостиво согласилась я и сказала: – На ваше несчастье, я докопалась до многого и искренне советую покаяться.

Брит дрожащими руками пыталась открыть пачку, но ногти срывались и елозили по целлофану. Отобрав у нее коробочку, я вытащила два мешочка и, сунув их в чашки, приказала:

– Сделайте кипяток и залейте.

Хозяйка схватила «Тефаль», тоненькая струйка потекла в кружку, меня стало раздражать ее молчание, и я выложила последний аргумент:

– Врать опасно. Вот Антон Семенов солгал, и где он теперь?

– Где? – эхом отозвалась Брит.

– В морге, на цинковом столе с канавками…

– Почему с канавками? – как-то вяло и безучастно поинтересовалась она.

– Ну должна же при вскрытии куда-то кровь стекать, – резонно отметила я.

При этих словах девушка аккуратно поставила чайник и тихо осела на пол, потом легла. Я подскочила и увидела, что она в глубоком обмороке. В первый раз вижу, чтобы люди так теряли сознание, сначала осторожно убрав посуду. Пожалуй, последний пассаж о прозекторском столе был слишком груб. Ругая себя, я открыла сумочку и вытряхнула на табуретку содержимое. Расческа, ключи, пудреница, две конфетки, кошелек, губная помада, ручка… Ага, вот он. Не так давно Кирюшка подарил мне ментоловый освежитель в баллончике.

– Классная штука, – уверял мальчишка. – Намного лучше «Дирола» или «Стиморола». Пшикнешь разок, и во рту «зимняя свежесть». Попробуй, Лампа, ты же куришь!

Дымлю я мало и нерегулярно, но презент с благодарностью приняла и тут же опробовала. Смело скажу, большей гадости в жизни не встречала. Рот моментально наполнялся

горькой слюной, и на языке прочно поселялся вкус дешевой зубной пасты. Сразу вспомнилось детство – мама заставляла меня чистить зубы после каждой съеденной конфетки болгарской пастой «Поморин», и весь день во рту ощущался вкус соленого мела.

Освежителем я, естественно, больше не пользовалась, но баллончик невесть зачем таскала с собой. Вот и пригодился!

Нажав на подбородок Лины, я просунула распылитель между ее губами и пару раз нажала на головку. Аромат ментола разнесся по кухне. Девушка заворочалась и села. Наверное, она надеялась, что противная гостья исчезла, а все случившееся – просто дурной сон. Но я была тут как тут. Сидела возле нее на кухонном полу, чувствуя сквозь джинсы ровное тепло, исходящее от кафельной плитки. Надо же, у этой пижонки полы с подогревом!

– Антон умер, – прошептала Ангелина.

– Его убили, – пояснила я.

– Как?

– Задавили машиной.

Брит заплакала, сквозь рыдания начали прорываться слова, складывающиеся в рассказ.

Она работает в газете «Мир литературы», пишет о всяких новинках, берет интервью у писателей.

К Разумовым в дом она была вхожа, несколько раз брала интервью у Кондрата. С Леной знакома шапочно. Знает только, что та – жена Кондрата, и все. Иногда они встречались на тусовках, раскланивались. По телефону разговаривали только один раз, в декабре. Разумов с купеческим шиком отмечал в Доме литераторов свое пятидесятилетие, и мадам приглашала на фуршет. Впрочем, Лена, очевидно, обзвонила всех журналистов, потому что вокруг гигантских столов, заставленных блюдами с рыбой, мясом и плошками с икрой, толпилось много корреспондентов и сверкало софитами телевидение. Кондрат четко уяснил истину – пишущую братию следует подкармливать и подпаивать.

Несколько дней тому назад Ангелине позвонили. Какой-то бесполый голос, не то мужской, не то женский, поинтересовался:

– Хочешь получить пять тысяч долларов?

– Да, – оторопела она. – А за что?

Она не принадлежит к высокооплачиваемым журналистам и постоянно нуждается в деньгах.

– У тебя есть компьютер, подключенный к Интернету, – скорей утвердительно, чем вопросительно заявил говоривший. – Пиши адресок, войди прямо сейчас. Через полчаса перезвоню.

Лина положила трубку и глянула в окошечко определителя, там высветилась только восьмерка, следовательно, звонили из автомата.

Ничего не понимая, она нашла сайт и прочитала задание. Предложение соврать сначала испугало ее – Антона она хорошо знала.

– Откуда? – поинтересовалась я.

Брит вздохнула:

– Мы с ним вместе учились на факультете журналистики.

– Он работал корреспондентом?

Ангелина хмыкнула:

– Угу, внештатным, на гонораре.

– Где?

– Говорил, что везде. Только врал.

– Почему?

– Антон красавчик, – пустилась в объяснения Лина, – смазливенький такой, сладенький, кудрявенький, словом, зефир в шоколаде. А жил он тем, что богатые любовницы дадут.

Одна – квартиру купила, другая – машину, третья – мебель… Он офигительным успехом у престарелых баб пользовался. Они его из рук в руки, словно переходящий приз, передавали.

– Да ну? – фальшиво улыбнулась я.

– Вот вам и «ну», – хихикнула Лина. – Могу кучу назвать – Зоя Рашидова, Светлана Булгакова… Только вот Лена Разумова туда никак не монтировалась, сомневаюсь я что-то в ее связи с Антоном.

– Да?

– Антон имел дело только с тетками за сорок, – разоткровенничалась Лина. – Говорил, они более благодарные, чем молоденькие. Многие считают, будто в последний раз в любовные авантюры пускаются, вот и не жалеют денег на Антошеньку. А Лена…

– Ну? – поторопила я ее.

– Поговаривают, будто у нее роман с Юрой Грызловым. Они действительно частенько вместе показывались, обнимались…

Я пожала плечами. Подумаешь, на артистических и писательских сборищах все постоянно обнимаются и целуются, но это еще ни о чем не говорит.

Не успела Ангелина прочитать указания, как вновь зазвонил телефон.

– Я не… – завела девушка.

Но бесполый голос прервал ее, велев:

– Спустись и посмотри в почтовый ящик.

Она покорно пошла вниз, вытащила самый обычный белый конверт без адреса и, вернувшись домой, обнаружила там пятьдесят сотенных, красивых, новых зеленых бумажек, приятно хрустящих в руках.

Опять раздался звонок.

– Особенно не шляйся сейчас, сиди дома, – велел «наниматель». – На днях сообщу, куда идти.

– Я не хочу, – ответила она.

– Тогда положи деньги назад, – приказал голос.

– А если не положу? – хихикнула глупая девица.

– Ты сейчас стоишь у стола, – монотонно сообщил собеседник, – в джинсах и розовой рубашечке, а теперь села на стул, в ухе ковыряешь.

– Вы меня видите, – обомлела Ангелина.

– Как на ладони, – пояснил незнакомец. – Так что баксы не спрячешь. Ладно, позвоню через часок, подумай пока.

Очевидно, «работодатель» хорошо знал Ангелину. Та промаялась шестьдесят минут, вновь и вновь пересчитывая деньги, правда, задернув окна портьерами. Кучка банкнот просто гипнотизировала девушку. Не так давно она влезла в долги, купив шубку из нутрии. Ей, постоянно сталкивающейся с модными литераторами и их расфуфыренными женами, было некомфортно снимать в прихожей довольно поношенную дубленку. Весной и осенью она обходилась черненькой курточкой, благо тинейджерский стиль в моде. Но зимой носить куртешку – это уже не мода, это, простите, нищета. В декабре дама обязана влезть в шубу, желательно, норку или шиншиллу, но и нутрия, на худой конец, сойдет.

Долг тяготил ее ужасно, целая тысяча. И хотя подруга, снабдившая ее необходимой суммой, уверяла, будто подождет с деньгами, Лина чувствовала себя крайне некомфортно. Вообще журналистка, покупая шубку, имела в кармане почти подписанный контракт с журналом «Фам», французским еженедельником, начавшим выходить в Москве на русском языке. Главный редактор хотел сделать серию из десяти интервью, взятых у жен известных писателей. Платить пообещал по сто пятьдесят баксов за материал, и Лина с легким сердцем пустилась в «шубную» авантюру. Но в последний момент договор сорвался, и девица осталась на бобах.

А тут такая сумма! Словом, через час Ангелина испеклась на огне жадности и оказалась полностью готова. Делов-то, уговаривала она себя, розыгрыш какой-то! Ничего не случится, просто так человека не обвинят, начнут, наверное, разбираться. А она отдаст долг и уедет на месяц в Дубай, отдохнуть по-человечески. Ну скажет, в конце концов, что ей показалось! О том, что Антону тоже придется давать какие-то показания, Ангелина не подумала. И потом, Лена Разумова такая противная, еле-еле кивает при встречах и быстро проходит, обдавая запахом французских духов и ослепляя блеском бриллиантов…

Я посмотрела на Лину с жалостью.

– Влипла ты, детка!

– Делать-то что? – всхлипывала собеседница.

Я призадумалась. Ох, сдается мне, что Антон Семенов тоже получил денежное предложение от некоего незнакомца. Только сейчас парень уже ничего не сможет рассказать. Внезапно мои ладони покрылись липким потом. Господи, может, его и убили для того, чтобы не болтал лишнего?

ГЛАВА 7

Встав с пола, я протянула девчонке кухонное полотенце.

– Давай утирай сопли.

Ангелина покорно высморкалась и повторила:

– Так что делать?

– Сейчас поедем к следователю Митрофанову, и ты расскажешь правду.

– Боюсь, – прошептала она.

– Ерунда, – успокоила я. – Не волнуйся, он нормальный мужик, все правильно поймет. Между прочим, на основании твоих «шуточных» показаний Лену Разумову посадили в СИЗО и могут осудить лет эдак на пятнадцать. Ты готова жить с таким грехом на душе, пусть даже за пять тысяч долларов? Уж извини, но, по-моему, сумма маловата. По мне – продаваться, так за более крупные деньги. Кстати, как только Лена окажется на свободе, она тебя отблагодарит, купишь еще одну шубу.

– Мне машина нужна, – тихо пробормотала Ангелина. – В метро надоело, целый день по городу езжу.

– Значит, приобретешь автомобиль, – разрешила я и велела: – Собирайся.

Хозяйка пошла в ванную наводить красоту, я схватилась за телефон. Но следователь не спешил поднять трубку. Наконец я услышала высокий звонкий голос:

– Романова.

– Что? – удивилась я.

– Как – что? – переспросила женщина. – Романова.

– Да.

– Что – да?

– Ну я Романова. Только как вы догадались, что я вам звоню?

Невидимая собеседница звонко рассмеялась:

– Ни о чем я не догадывалась, просто назвалась, это моя фамилия.

– Надо же, – пришла я в полный восторг, – моя тоже. Представляете, как тяжело Ивановым?

Выяснив недоразумение, я попросила Митрофанова.

– Только-только уехал. Звоните в понедельник в десять утра.

– Но мне сегодня надо!

– Ничего не могу поделать. Вернется в понедельник.

Я растерянно положила трубку. Совершенно не предполагала, что майора не окажется на месте.

В кухню вошла причесанная и накрашенная Ангелина.

– Я готова.

– Вот что, поход откладывается до понедельника.

Лина радостно закивала головой. Ишь, как повеселела, узнав, что «смертная казнь» отложена. Еще сбежит за выходные. Сегодня пятница, и впереди у жадной девицы, готовой отправить за жалкие пять тысяч долларов невиновного человека на скамью подсудимых, целых два дня на раздумья. Сейчас я за порог, а она и улетит… Нет, ее следует запугать до последней степени.

– Вот что, котеночек, – проникновенно произнесла я, – имей в виду, выходить из дома тебе нельзя.

– Почему? – удивилась она.

– Человек, убивший Антона, будет теперь за тобой охотиться. Он убирает свидетелей, и ты, моя киска, следующая в очереди к могиле.

– Вы так считаете? – севшим голосом спросила хозяйка.

– Конечно. Так что лучше тихонько пересиди дома. Да еще задерни шторы и на всякий случай не включай свет, вдруг он снайпер.

Девица ринулась к окну и опустила жалюзи.

– Хорошо, – одобрила я. – Значит, так, дверь никому не открывай, в особенности незнакомым мужчинам, за продуктами не ходи и на всякий случай не снимай трубку телефона, пусть думают, что тебя дома нет. Жди меня в понедельник к девяти.

Ангелина трясущейся рукой протянула мне связку ключей.

– Возьмите.

– Зачем?

– Сами откроете, у меня вторые есть.

– Я не поняла, зачем ты мне ключи даешь.

– Я побоюсь даже к двери подойти! Мало ли что!

– В «глазок» посмотришь.

– Нет, боюсь.

Я со вздохом положила ключи в карман. Так даже лучше. На лестнице я с удовлетворением услышала, как за дверью гремят замки, и двинулась к метро. Настроение было прекрасным, даже отвратительная мартовская слякоть под ногами не раздражала. Ну кто бы мог подумать, что все так просто и быстро выяснится? Думается, следователь уже в понедельник отпустит Лену…

Наверное, все люди боятся телефонных звонков, раздающихся глубокой ночью. Ну кто может трезвонить после полуночи? Только если беда или несчастье. Поэтому, когда в четыре утра раздалась звонкая трель, я так и подскочила на кровати. Что еще могло случиться?

– Эй, Лампа, – раздалось в трубке, – у тебя какой размер ноги?

– Тридцать девятый, но вообще надо мерить, – машинально ответила я и тут же заорала: – Сережка, ты откуда?

– Из Майами, – последовал спокойный ответ. – Вот стоим с Кирюшкой в универмаге и мучаемся, какие кроссовки тебе брать.

– В каком универмаге! Ночь ведь!

– Это у тебя, – хмыкнул Сережка. – А тут самый день, другое время.

Если я чего и не могла никогда понять, то как это в Москве час дня, а в Париже одиннадцать утра. Почему?! Только не надо рассказывать про Луну, Солнце и наклон земной оси, осознать сей факт невозможно. Садишься в столице России в самолет, ну, скажем в десять, и прилетаешь в Лондон все в те же десять! Уму непостижимо.

– Эй, Лампец! – кричал Сережка. – А какие ты больше хочешь – на липучках или со шнурками?

– Дай, дай сюда! – завопил Кирюшка и, выхватив у старшего брата трубку, принялся вываливать новости.

Катя работает, Сережа с Юлей тоже, а он, несчастный ребенок, ходит в школу, где преподают на английском, вернее, американском языке. Учителя – уроды, дети – дебилы, в седьмом классе еле-еле читают и решают задачки по арифметике.

– Прикинь, Лампуша, – веселился Кирка, – они про алгебру с геометрией и не слыхивали.

Собаки здоровы, кошки тоже, жаба Гертруда благополучно перенесла полет, но отчего-то впала в спячку, хотя в Майами тепло и они купаются, правда, в бассейне.

– Хорошо вам, – позавидовала я. – Все вместе…

– Небось боишься без животных? – хихикнул Кирюшка и посоветовал: – А ты кошечку заведи. Мне мама Рейчел специально купила, чтобы один дома сидеть не боялся, с собачкой не страшно.

Повесив трубку, я засмеялась. И как только сама не додумалась.

Утром за завтраком я поинтересовалась у Лизы:

– Не знаешь, почему у вас нет домашних животных?

– У папы была аллергия на шерсть, – сообщила она.

– Вот что, собирайся.

– Куда?

– Поедем на Птичку и купим котенка.

– Ура! – завопила Лиза, кидаясь к шкафу.

Всю дорогу в метро мы обсуждали предстоящее приобретение и наконец выработали четкий «портрет» будущего любимца. Во-первых, хотим кота, потому что не желаем потом возиться с котятами; во-вторых, берем того, который понравится, невзирая на породу; в-третьих, он должен быть здоров, с розовыми, чистыми ушками, мокрым носиком и сверкающими глазками…

На рынке мы сначала немного растерялись. Слишком много красивых котят сидело в корзиночках, перевозках и сумках. Но цены! Начинались они с трехсот долларов, и я, захватившая всего тысячу рублей, приуныла.

– Эти мне не нравятся, – прошептала Лиза, ткнув пальцем в роскошный контейнер, где нежилась снежно-белая кошка в окружении пухлых комочков.

«Суперэлита. Матильда Грей де Бурбон, очень дешевые котята, всего 500 долларов», – гласила табличка.

– Мне они тоже не по душе, – быстро подхватила я и уволокла девчонку подальше.

По счастью, ей не показались и безволосые сфинксы, и рыжие персы. Русская голубая выглядела апатично, а сиамская – злобно. Прошатавшись около двух часов, мы сели в кафе.

– Как непросто выбрать, – вздохнула Лиза.

– Бутылочка вам нужна? – раздался робкий голосок.

Я обернулась и увидела крохотную старушку с огромным пакетом, где позвякивали емкости из-под пива.

– Нет, бабушка, берите.

Пенсионерка протянула ручку, и тут из-под ее дешевой куртки с облезлым кроличьим воротником раздалось душераздирающее мяуканье.

– Кто у вас там? – поинтересовалась я.

– Ой, горе, – ответила бабка и вытащила на свет тощего, похожего на шнурок, черно-белого котенка. – Кошка родила, зараза. Двенадцать лет ей, думала, все, а она убегла, потом вернулась, и вот, пожалуйста! Одного-то и принесла всего, топить рука не поднялась. А кормить средств нету, сама бутылки собираю. Думала, продам рублей за сто, так никто не берет. Беспородный он, а тут все со свидетельствами. Хотя знаешь чего…

– Чего? – в один голос спросили мы с Лизой.

– Я тут часто хожу, – пояснила бабулька, – и одну странность приметила. Видишь кошечку?

И она ткнула пальцем в роскошную клетку с пятнистой особой под гордой вывеской «Победительница в классе А, суперэлита, котята от интерчемпиона».

– Ну и что?

– А то, – злорадно сообщила бабуся. – Она тут целый год появляется с котятами. Ну скажи, бывает у них двенадцать пометов? То-то и оно! Зато все со свидетельствами, а я честно признавалась: моя Муська с помойки, и жениха себе небось там же нашла.

В эту секунду котенок разинул розовую пасть с крохотным язычком, похожим на кусочек свежайшей «Докторской» колбасы, и заорал.

– Есть хочет, – констатировала бабка.

Лиза отщипнула кусок булочки и протянула крикуну. «Кошки не любят хлеб», – хотела я остановить ее. Но котенок разом проглотил угощение, он и правда жутко проголодался.

– Давай возьмем этого, – предложила Лиза, скармливая заморышу кусочек сыра.

– Может, еще походим?

– Нет, – отрезала она. – Смотри, какой несчастный.

– Только мы хотели кота…

– А он и есть кот, – обрадованно подтвердила бабуська, пряча сторублевку, – самый настоящий мужчина.

Лиза сунула котенка под шубку и засмеялась.

– Ой, царапается.

Мы медленно побрели к метро.

– А что он ест? – поинтересовалась она.

– Ну, молоко, мясо, сухой корм…

– Смотри, смотри, – прервала меня девочка, – что там дядька делает?

Она ткнула пальцем в быстро удаляющегося мужика.

– Идет себе, – ответила я.

Но Лиза подбежала к сугробу и принялась раскапывать снег.

– Он сюда что-то засунул!

– Перестань, – испугалась я, – вдруг бомба!

– Да ну, – отмахнулась она и вытащила на свет пакет с надписью «Рамстор».

– Сейчас же брось, – велела я.

Но в тот же момент пакетик зашуршал и заплакал.

– Ой, – сказала Лиза и раскрыла упаковку.

Чуть не столкнувшись лбами, мы заглянули внутрь. Там лежал крохотный, едва раскрывший глазки щеночек. Нежно-кремовая шерстка намокла, очевидно, в пакете оказались дырки, черненький носик смешно морщился, а хрупкое тельце безостановочно, словно под током, тряслось и вздрагивало. Из хрупкой, похожей на цыплячью, грудки вырывался протяжный, совершенно человеческий стон.

– Вот сволочь! – с возмущением произнесла я, заматывая найденыша в шарф. – Вот гад ползучий!

– Кто? – спросила Лиза.

– Да мужик этот в куртке, – пояснила я. – Наверное, хотел продать, а когда покупатель не нашелся, решил избавиться от щенка.

– Он бы замерз! – всхлипнула Лиза. – Маленький какой! Что делать будем?

– Как – что? Себе возьмем. Или хочешь назад закопать?

– Нет, только ведь мы купили котенка!

– Ну и подумаешь, станут жить вместе.

– Говорят, кошка с собакой дерутся!

Я запихнула щенка под свою куртку и, почувствовав, как несчастное создание перестало трястись, пояснила:

– Они-то не знают, что им воевать положено! Вот и будут дружить.

Всю субботу и воскресенье мы возились с новыми домочадцами. Купали их, выводили блох, кормили, укладывали спать… Потом встал вопрос об имени.

– Ну, с котом понятно, – вздохнула Лиза. – Быть ему Пингвой.

– Кем?

– Ну Пингвин или, сокращенно, Пингва. Да посмотри на него внимательно.

Я присмотрелась и расхохоталась, а ведь правда! Котенок удивительным образом смахивал на пингвина. Брюшко и часть лапок белые, спинка иссиня-черная.

Так же просто решился вопрос и с собачьей кличкой.

– Мы его нашли в пакете «Рамстор», – объяснила Лиза, – следовательно, назовем его Рамиком или Сториком.

Я нашла идею неплохой, и Пингва с Рамиком обрели гражданский статус.

В понедельник ровно в девять я стояла перед дверью Ангелины. Сначала я не поняла, что это за бумажка приклеена чуть повыше замка, потом пригляделась и ахнула. Квартира жадной девчонки была опечатана!

Полная дурных предчувствий, я нажала на звонок к соседям. Высунулась девушка с крохотным, каким-то кукольным младенцем на руках.

– Вы из поликлиники? Надо же, как быстро.

– Нет. Скажите, пожалуйста, где Лина, не знаете?

Девчонка взмахнула руками и чуть не выронила от возбуждения ребенка.

– Как? Вы не слыхали?

– Да что случилось?

– Ее убили, еще в субботу. Вот ужас. Между прочим, я ее нашла, – тарахтела соседка, потряхивая кряхтящего ребенка. – Жуть сплошная.

– Как убили? – прошептала я, прислоняясь к косяку. – Кто? Она же обещала никому дверь не открывать!

– А вы ей кем приходитесь? – жадно поинтересовалась девица.

– Двоюродной сестрой, – машинально соврала я.

– Ну надо же! – пришла в полный ажиотаж молодая мать. – И ничегошеньки не знаете!

– Мы договорились сегодня пойти вместе в магазин, – пояснила я, чувствуя огромную, каменную усталость. – Вот я и приехала.

– Да вы проходите, я все расскажу, – пояснила соседка.

Квартирка у нее оказалась точь-в-точь, как у Брит, но ужасно грязная. Небольшая кухонька у той сверкала чистотой и симпатичными штучками: керамическими свинками и гномиками, ярко-красными чашечками и розовой клеенкой.

У соседей царил иной «пейзаж». Повсюду грязные, сальные тряпки, банки, не слишком чистые кастрюли и заляпанный донельзя холодильник «ЗИЛ». Девица сунула младенца в высокий стул и, схватив чашку с надписью «Марина», поинтересовалась:

– Кофейку со мной выпьете?

Больше всего мне хотелось ответить: «Нет, так как боюсь подцепить гепатит, кишечную палочку или еще какой-нибудь микроб, вольготно живущий в грязи». Но вслух я лицемерно произнесла:

– С удовольствием, Мариночка.

– Откуда вы знаете мое имя? – изумилась хозяйка.

Потом перевела взгляд на кружку и рассмеялась:

– Муж подарил на Новый год. Денег у него вечно нет, вот и прикупил барахло в ближайщем ларьке, дрянь китайская, уже глазурь облезла.

Не слишком чистой рукой она открыла банку кофе «Пеле» и насыпала порошок в чашки. Я вздохнула, боюсь, что эту дрянь не смогу не то что пить, а даже нюхать! Хотя, если двоюродная сестра лишится аппетита при известии о кончине родственницы, это никого не удивит.

– Так что же произошло?

Марина размешала ложечкой напиток и начала самозабвенно рассказывать. Конечно, ее можно понять, сидит день-деньской с младенцем, небось обалдела от скуки, а тут такое!

Они с Ангелиной дружили по-соседски. Одалживали друг у друга сигареты, хлеб и сахар, когда ленились выходить на улицу. Еще Лина, если была дома, соглашалась покараулить маленького Петьку, пока Марина бегала за покупками. Ставила лишь одно условие –

мальчишка должен спать. Покачать коляску она не отказывалась, но, не имея собственных детей, боялась, что не справится с шаловливым малышом.

В субботу после полудня Марина, покормив сыночка, сунула его в коляску и позвонила в дверь к Лине. Соседка не спешила открывать. Марина понажимала на звонок и решила, что ее палочка-выручалочка куда-то ушла. Делать нечего, пришлось развернуть коляску, чтобы толкать Петьку домой, поход по магазинам временно откладывался.

Лестничная клетка узкая, и, ворочая «кабриолет», Мариночка случайно задела соседскую дверь. Она легко подалась, приоткрылась щель. Удивившись, Марина всунула голову внутрь и спросила:

– Аля, ты дома?

В ответ – тишина, но дверь не распахивалась до конца, ей явно что-то мешало. Марина перевела взгляд вниз и увидела голые ноги. Взвизгнув от ужаса, она втолкнула Петю домой и вызвала «Скорую». Приехавшие медики обратились в милицию. Труп увезли, Марину допросили, но она не могла сообщить ничего вразумительного, ничего не зная толком.

– Пристали ко мне! – возмущалась она. – Скажите, кого видели да кого видели? Ничего не видела, с утра стирала, потом у плиты толклась, да у меня даже «глазка» на двери нет!

– А как ее убили?

Марина пожала плечами:

– Вроде по голове стукнули тяжелым предметом, вот жуть! Небось ограбить хотели.

Я одним махом опрокинула в себя омерзительный, пахнущий жидким мылом кофе и откланялась. Спустившись для вида на этаж ниже, подождала несколько минут и вновь вернулась к двери Лины. Марина не соврала, в двери ее квартиры не было «глазка», впрочем, на двух других тоже. Аккуратно поддев пилочкой для ногтей бумажку с печатью, я отодрала ее и открыла дверь ключом.

В прихожей пахло чем-то тошнотворно-сладким, на полу виднелась бурая засохшая лужа. Стараясь не наступить в нее сапогами, я начала осторожно осматриваться. Неужели Ангелина не послушалась и впустила кого-то в квартиру? Может, любовника? Но исследование спальни показало, что свою последнюю ночь она провела лишь в компании коробки шоколадных конфет и телевизора. На разобранной широкой кровати сиротливо валялась единственная подушка и небольшое одеяло. Но окончательно убедила меня в моей правоте брошенная в кресло ночнушка, не слишком чистая, с рваным воротником. Такую ни одна женщина не наденет для кавалера, а вот если собирается просто дрыхнуть, тогда с превеликим удовольствием влезет в «непарадную», но уютную рубашку.

На кухне не было грязной посуды, только чайная ложечка со следами чего-то красного, похожего на клубничное варенье. В холодильнике ничего примечательного – пара яиц, грамм сто не слишком свежей колбасы, полпачки сливочного масла и несколько йогуртов «Данон». Нехитрый набор одинокой, не обремененной семьей девчонки. Ванная небольшая, даже крохотная, в ней я нашла лишь гель, шампунь и несколько кремов, а в шкафу, в коридоре, сиротливо висела черная шубенка из стриженой нутрии – показатель благосостояния хозяйки.

Перед уходом я взяла телефонную трубку и нажала на кнопочку. У нас дома точь-в-точь такой «Самсунг», и он держит в памяти пять последних номеров. Переписав цифры, я осторожно глянула в «глазок» и, не найдя никого снаружи, выскользнула из квартиры. Потом, поплевав на белую полоску, вновь приладила ее на старое место. Нет, все-таки милиционеры дикие люди, думают, что простая бумажонка, хоть и с печатью, отпугнет всех от двери.

В школу за Лизой я ехала почти в прострации и, забрав девочку, плохо вслушивалась в ее веселый щебет. В голове крутились свои мысли.

То, что Ангелина была напугана, – это ясно. Вряд ли она в таком состоянии открыла бы дверь незнакомцу. Значит, к ней пришел хороший приятель, которого она без долгих раз-

мышлений пригласила войти. Вот только кто он? Или она? Основная надежда на номера телефонов, вдруг Лина созвонилась с кем-то и позвала в гости кого-то, хорошо ей известного, а это лицо…

– Лампа, – дернула меня за рукав Лиза.

Отогнав видение гадко ухмыляющегося звероподобного мужика, опускающего на голову несчастной Ангелины отрезок водопроводной трубы, я вздрогнула и спросила:

– Что случилось?

– Ничего, – ответила Лиза. – Только мы стоим перед дверью минут пять, а ты глаза выпучила и губами шевелишь.

Тут лишь до меня дошло, что мы успели добраться до дома.

ГЛАВА 8

Рамик, повизгивая, кинулся к нам со всех лап. Он нервно скулил и путался под ногами, мешая снимать сапоги.

– Ой, погоди, – отбивалась Лиза, – сейчас кушать будешь.

Щенок пришел в еще больший ажиотаж и начал скакать, словно мячик на резинке. Мы вошли на кухню и обомлели. Занавески кто-то нарезал, пытаясь сделать из них лапшу. Неровные ленты покачивались на сквозняке.

– Что это? – ахнула Лиза.

– Думаю, Пингва катался на портьерах, а потом начал по ним бегать вверх-вниз. Когти острые, а занавески из тонюсенького батиста.

– Где он? – поинтересовалась девочка и тут же вскрикнула: – Смотри!

Маленькое черненькое тельце неподвижно лежало возле холодильника. Мы кинулись к котенку и через секунду поняли: Пингва засунул голову в щель между дном холодильника и полом. Уж как он это проделал, уму непостижимо, свободное пространство всего шириной в два пальца! Минут пять мы пытались вытащить несчастного, но уши не давали голове вылезти. Стоило потянуть посильней, и бедолага заходился в диком визге. Поняв, что так мы ничего не добьемся, попробовали приподнять холодильник, но потерпели сокрушительную неудачу. Громадный четырехкамерный «Бош» оказался каменно-тяжелым, обхватить его скользкие бока было просто невозможно. В конце концов Лиза разрыдалась:

– Он погибнет!

– Прекрати, – велела я. – Слышала, что у кошки семь жизней? Лучше скажи, кто живет в соседней квартире?

– Бандит, – всхлипнула девочка. – Андрей Петрович.

– Как бандит?

– Ну просто, – ответил ребенок. – Папа говорил, что он из мафии, а из какой – не помню.

– Сиди тут, – приказала я и решительным шагом двинулась к соседу.

Бандит, мафиози – это отлично, такие люди хорошо питаются, занимаются на тренажерах и обладают отличной физической подготовкой.

Сосед оправдал мои ожидания. На пороге возникла гора мышц, вбитая в спортивный костюм, на шее здоровенная золотая цепь, волосы на голове почти сбриты, и жевательная часть черепа намного больше мыслительной.

– Чего надо, мамаша? – вежливо осведомился бандит.

На Андрея Петровича он явно не тянул, свежий цвет лица и пухлые щеки выдавали возраст – лет двадцать пять, не больше.

– Я ваша соседка…

Андрей кивнул.

– Очень прошу, помогите нам?

Парень сморщился:

– Бабок дать? Сколько?

– Нам не нужны бабушки, – путано принялась объяснять я. – Понимаете, мы купили Пингвина, он еще маленький, засунул голову под холодильник, а мы с Лизой не можем его вытащить!

– Что-то я никак в твою пургу не врублюсь, – вздохнул Андрей и почесал затылок сотовым телефоном. – Объясни чисто конкретно, в чем базар?

Я не слишком поняла, о чем он говорил, но на всякий случай повторила:

– У меня на кухне на полу лежит Пингвин, который засунул голову под «Бош».

– Живой? – глупо поинтересовался бандюган.

– Кто?

– Пингвин!

– Нет, дохлый, – рассердилась я.

– Так в чем вопрос? Сверни ему шею и выкини.

– Не могу, он живой.

– Тьфу, – сплюнул браток, – совсем запутали, то живой, то дохлый. Надоть-то чего?

– Поднимите холодильник.

– Не вопрос, – хмыкнул «спасатель» и, обдав меня запахом одеколона «Труссарди», пошел на кухню.

– Где Пингвин? – поинтересовался он.

– Вот, – показала Лиза.

– Так это кошка, – протянул Андрей, легко отрывая от пола огромный холодильник, – а говорили пингвин!

– Он и есть Пингвин, – пояснила Лизавета, прижимая к себе обалдевшего котика. – Зовут его так, Пингва.

– Твою… – начал сосед, потом глянул на Лизу и сдержался.

– Спасибо вам, – проникновенно сказала я.

– За спасибо не работаем, – хмыкнул парень. – Процент со сделки, или на счетчик поставлю.

Но, увидав мое вытянувшееся лицо, засмеялся.

– Шуткую я так, всегда готов, по-соседски, когда чего, ну гроб вынести…

– Спасибо, гроб пока не надо, – пробормотала я.

– Зовите, коли чего.

– Спасибо.

Тяжело ступая, Андрюша пошел к двери и тут увидел Рамика.

– Отличный пес вырастет, – со знанием дела сообщил он, – мастино-неаполитано. Зверь – смерть на четырех лапах.

– С чего ты так решил? – Я перешла от испуга на «ты». – Почему мастино-неаполитано? И вообще, это что за порода такая?

Андрей хохотнул:

– У приятеля мастина живет, огроменная. Так щенок точь-в-точь такой был, мелкий и серый, а потом елда выросла, уж простите…

– Рамик беленький… – начала было я сопротивляться и осеклась. Ну надо же, утром, когда мы уходили, шерстка найденыша напоминала по цвету кусок сахара, вымоченного в кофе. А сейчас это был рафинад, засунутый в слабый раствор черных чернил. Наш новый жилец серел…

– Что такое елда? – спросила Лиза.

Андрей Петрович крякнул:

– Ну чисто конкретно не объясню. У мамаши спроси.

– Как выглядит мастино? – задумчиво протянула я.

– Ща, – пообещал сосед и, брякая золотыми цепями, исчез за порогом.

– Что такое елда? – не успокаивалась Лиза.

– Не знаю, – пробормотала я, растерянно оглядывая весело вертящего хвостом Рамика, – но, судя по тому, что наш сосед произнес потом «уж, извините», думаю, нечто крайне неприличное, и тебе следует забыть это слово как можно скорей.

– Ага, – протянула девочка. – Ну вообще-то, папа все время матом ругался, но такого я не слышала…

Я только вздохнула: эта привычка нашего бомонда отвратительна.

– Вот, – раздался за спиной запыхавшийся голос, – вот, глядите, мастина!

Я обернулась. На пороге стоял радостный Андрей. В левой руке он сжимал настенный календарь.

– Вот, – повторил он и ткнул пальцем в фотографию.

Я перевела взгляд на снимок и почувствовала, как подкашиваются ноги. На красивой глянцевой бумаге была запечатлена собака Баскервилей. Словно для того, чтобы дать понять всем читателям календаря, какого роста монстр, фотограф поставил чудовище возле лошади, и, уж поверьте, собачонка оказалась лишь чуть-чуть ниже кобылы. Огромное серое тело стояло на мощных конечностях с угрожающими когтями. Одного взмаха такой лапки хватит, чтобы отправить на тот свет зазевавшегося человека. Но самой ужасной была морда. Крупный череп с торчащими ушами покрывала темно-серая короткая шерсть, ближе к глазам начинались складки, которые словно стекали к шее. Впрочем, у наших мопсих Мули и Ады тоже полно складок на лице, но маленьких, уютных, и выглядят они из-за них крайне умильно. Тут же на морде пролегали борозды, а сверкающие в открытой пасти белоснежные зубы не оставляли сомнения – загрызть медведя этому мастино, как мне чихнуть. Окончательно доконали глаза – крохотные, кроваво-красные и почему-то слегка закатившиеся. Словом, не собачка, а отморозок.

– Тут и про историю его написано, – радовался сосед. – Да читай, мамаша, не тушуйся, потом только верни, а то я люблю, в тубзике сидя, собак разглядывать!

Я молча кивнула и принялась изучать «Краткое описание породы»:

«…Собаки мастино-неаполитано дошли до нас с древнейших времен, почти не растеряв своих удивительных моральных и физических качеств. Еще в Древнем Риме животных этой породы использовали для охраны рабов. Принимали они участие и в гладиаторских боях, подчас на равных сражаясь со львами. Мощный скелет, железные мышцы, удивительная реакция делают из мастино-неаполитано отличных охранников и бойцов. В быту неприхотливы, в еде не капризны, любят хозяина, хорошо относятся к детям, дружелюбны к членам семьи. Но следует помнить: заведя дома мастино-неаполитано, вы получаете оружие. Собак данной породы нужно обязательно дрессировать. В ряде стран, например Франции, Италии, Германии, мастино, как питбуль, бультерьер и другие бойцовые породы, подлежат полицейской регистрации. Отдельные экземпляры, в основном кобели, достигают в холке высоты 1,45 см и веса около 90 кг. Купив мастино, вы никогда не будете бояться за сохранность своего имущества».

Дрожащими руками я отложила календарь и уставилась на крохотного Рамика, с упоением жующего Лизины тапки. Боже! На морде щеночка четко обозначились морщины, готовые оформиться в складки, а шкурка, казалось, потемнела еще больше. И он неприхотлив в еде – третий день сметает все подряд, вчера даже апельсин сожрал с кожурой! И что мы будем делать, когда он вырастет до метра сорока пяти? Я-то едва-едва дотянула до метра шестидесяти и вешу всего сорок восемь килограммов. Господи, да мне придется на нем верхом на прогулку ездить!

– Может, кормить его поменьше? – задумчиво спросила Лиза. – И тогда не такой вымахает.

– Не знаю, – прошептала я. – Во всяком случае, сегодня же запрещу ему спать в моей кровати, а то привыкнет, и в конце концов на коврике у двери окажется не пес, а хозяйка.

Пытаясь собрать воедино расползавшиеся мысли, я набрала знакомый номер и услышала:

– Митрофанов у телефона.

– У меня есть срочное сообщение.

– Кто вы?

– Романова, подруга Самоненко.

– Приезжайте.

На этот раз майор опять был не слишком любезен. Выслушав мой горячий рассказ о признаниях Ангелины, он сказал:

– Отлично. И где Брит?

– Ее убили, – тихо ответила я.

На следователя новость не произвела никакого впечатления.

– Вы отпустите Лену?

– Почему? – изумился майор.

– Как! Ведь Ангелина соврала.

– И откуда это известно?

– Ну я же только что говорила…

– А через десять минут явится еще кто-нибудь и расскажет, будто Брит пошутила…

– Но…

– Вот что, уважаемая, – хмуро сказал следователь, – дружеские отношения с майором Самоненко еще не повод не давать работать мне. Ступайте, мы разберемся.

– Отпустите Лену.

– Идите, идите.

Я обозлилась до крайности и выпалила:

– Вам просто велели засадить Разумову, заказ дали. Ежу ясно, что она не виновата и кто-то просто пытается подставить ее!

Митрофанов промолчал. Но короткая шея, торчащая из не слишком чистого воротничка рубашки, сделалась пурпурно-красной. Да он гипертоник и непременно заработает инсульт, если будет так злиться.

– Вы уже все решили до суда, – продолжала я наседать на мужика, – даже головой подумать не желаете. Вы что, так уверены в том…

– Уважаемая, – железным голосом произнес Митрофанов и нажал кнопку.

Моментально раскрылась дверь, и в кабинет вошел милиционер.

– Проводите гражданку на выход, – велел следователь.

– Пройдемте, – сказал мент.

– Вам это так не сойдет, – пообещала я. – Все равно я не успокоюсь, пока вы не освободите Лену, жалобу напишу министру.

– Хоть господу богу, – хмыкнул Митрофанов.

– Пройдемте, – настаивал сержант.

– Не хочу.

– Сейчас применю дозволенные меры, – пригрозил конвойный.

– Какие, например? – полюбопытствовала я, усаживаясь поудобней.

Митрофанов мерзко улыбнулся:

– Вызову подмогу, и оформим вас на трое суток как хулиганку.

– С места не сдвинусь.

– А и не надо, на стуле оттащим.

Поняв, что он не шутит, я встала и ледяным тоном произнесла:

– Все равно я добьюсь правды.

– Хотеть не вредно, – хмыкнул майор и приказал милиционеру: – За проходную выведи, чтобы по зданию не шлялась.

По длинным извилистым коридорам в сопровождении сержанта я шла с гордо поднятой головой и сцепленными за спиной руками. Навстречу неслись мужики с папками, портфелями и пакетами. Один из них притормозил.

– Лампа, тебя арестовали?

Я узнала Леню и гордо произнесла:

– Митрофанов велел вывести за проходную, но все равно я сумею доказать свою правоту.

– Да уж, зная твой характер, думаю, Митрофанову мало не покажется, – хихикнул Ленька и убежал.

Я проследовала на выход, чувствуя, как внутри булькает злоба. Сержант удостоверился, что я отошла метров на двадцать от проходной, и зашептал что-то дежурному, весьма невежливо тыча в мою сторону пальцем.

Я двинулась к метро, в груди разгорался готовый вырваться наружу огонь – никогда, ни разу в жизни меня так не оскорбляли! Даже старик-профессор Лихтенборг, принимавший на втором курсе зачет по хору и заявивший: «Милочка, ставлю вам «удовлетворительно» лишь из сострадания. Но не подумайте, что жалею вас. Честно говоря, берегу свои уши. Поете, голубушка, как беременный крокодил».

Даже Анна Ромуальдовна Фихт, преподававшая фортепьяно и регулярно подзывавшая меня в буфете словами: «Мальчик, принесите булочку. Ах, детка, извини, но ты так смахиваешь на юного Брамса!»

Один раз я не утерпела и, зарулив в библиотеку, уставилась на гравюру композитора, но даже тогда не обиделась на Анну Ромуальдовну. В конце концов, старушка подслеповата…

Даже когда вальяжный охранник в бутике «Валентино», окинув брезгливым взглядом мою серо-розовую китайскую курточку, надменно процедил: «У нас цены в долларах, и вообще дорого очень!» – было не так обидно.

Но сейчас! В груди пылал огонь мщения. Бедный Эдмонд Дантес, граф Монте-Кристо, не испытывал и сотой доли таких мстительных чувств. Я неслась к метро, не надев шапки и не застегнув куртки. Ну, Митрофанов, погоди! Взяточник, дрянь, негодяй, готовый подвести под расстрел ни в чем не повинную женщину! Ну ничего, скоро Славке станет лучше, его переведут в обычную палату, а там и на работу выйдет. Я же пока брошу все силы на поиски настоящего убийцы.

Перед глазами встала картина. Огромный кабинет с портретами Путина, Дзержинского и Льва Толстого. Из-за дубового стола, расписанного трудолюбивыми мастерами Хохломы, поднимается импозантный седовласый генерал, весь в орденах и красных лампасах. «Спасибо, спасибо, глубокоуважаемая Евлампия Андреевна, разрешите вручить вам грамоту и именные часы. А этого, – и он тычет пальцем в стоящего у двери Митрофанова, – а этого субъекта лишаем воинских званий и прогоняем из наших рядов. Он недостоин…»

– Слышь, едрена Матрена, заснула, что ль?

Я вздрогнула. Так, я стою в метро у кассы, сзади напирает раздраженная очередь.

– Эй, тетка, давай шевелись, – пробурчал переминавшийся за спиной мужик.

– На десять поездок, – выдохнула я и протянула деньги.

Ох, боюсь, не скоро дождаться мне подарка от генерала.

ГЛАВА 9

Дома я горестно отметила, что Рамик за несколько часов ухитрился еще больше почернеть и вырасти. Подтерев бесчисленные лужицы в коридоре, я обнаружила совершенно съеденные колготки Лизы и громко спросила:

– Ну, колитесь, кто из вас чулочки схарчил?

Но щенок и котенок радостно прыгали вокруг меня, не испытывая никаких угрызений совести. У них, как у древних греков, начисто отсутствовало это понятие. Решив, что парочка еще маловата для воспитательных процессов, я зашвырнула пропавшие «Леванте» в помойку и занялась телефоном.

По первому номеру не отвечал никто. По второму вкрадчивый мужской голос почти прошептал:

– Редакция «Мир литературы».

Решив действовать напролом, я потребовала:

– Скажите, как связаться с корреспонденткой Ангелиной Брит?

– А зачем она вам? – совсем завял мужик.

– Хочу передать информацию о книжной выставке.

– Давайте, я приму.

– Нет, я имею дело только с Ангелиной, она мне платит.

– Я тоже не забесплатно…

Решив не продолжать беседу, я положила трубку. Так, тут, наверное, ничего подозрительного, мало ли какие дела на службе.

По третьему номеру ответили моментально:

– Центр досуга «Лотос».

– Простите, – не поняла я.

– Желаете заниматься в группе или с тренером?

– Моя подруга Ангелина Брит ходит к вам, я хочу, как она.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал любезный парень, – Брит, ага, она посещает тренажерный зал по субботам и средам и берет индивидуальные уроки у Сорокиной Анны. Вас тоже к ней записать?

– Это дорого?

– Пятьдесят рублей час.

– А на когда можно?

– Хотите сегодня в семь? Сейчас мало народа, заодно можете и в бассейн попасть или сауну, – начал соблазнять меня регистратор, почуяв во мне клиентку.

Я отсоединилась, набрала другой номер, но там не снимали трубку, не отозвались и по следующему. Лишь сухой щелчок дал понять, что работает определитель.

Велев Лизе не кормить слишком много Рамика, я поехала в тренажерный зал. Он находился буквально в двух шагах от квартиры несчастной Ангелины. Очевидно, владельцы переоборудовали подвал, потому что вход был со двора, и идти пришлось ступенек пять вниз.

В сверкающей приемной на стенах были развешаны фотографии красавцев и красоток в крохотных купальных костюмах. На мужчинах – еле заметные плавочки, на дамах – кусочки материи, размером с почтовую марку. Всех их фотограф запечатлел в одной позе, в полуповороте, правая нога выставлена вперед, руки сцеплены в замок, мышцы играют, а на лице застыла наклеенная улыбка.

– Наши чемпионы, – сообщил паренек, увидав мой неподдельный интерес. – Если вы будете регулярно заниматься, скоро такой же станете.

Ни за что не хочу быть похожей на гору намасленных бицепсов и трицепсов, уж лучше останусь самой собой.

– Сорокину можно?

– Аня! – заорал паренек.

Появилась невысокая девушка в спортивном костюме. На мой взгляд, инструкторша выглядела полноватой, но, скорее всего, под ярко-красной тканью выступал не жир, а бугрились накачанные мускулы.

– Мне вас посоветовала Ангелина Брут.

– Алечка! – обрадовалась Сорокина.

И мы прошли в раздевалку. В большой комнате было совершенно пусто, дверцы железных шкафчиков были нараспашку, похоже, клиенты не слишком спешили в центр.

– Раздевайтесь, – велела Аня.

Я быстренько вылезла из джинсов и предстала пред строгим оком инструкторши в лосинах и маечке, взятых в шкафу у Лены. Нехорошо, конечно, пользоваться чужими вещами, но своей спортивной формы у меня нет. И если честно признать, никогда не было. Правда, один раз, будучи первоклассницей, я сходила на лыжах и тут же заработала воспаление легких. С тех пор с физкультурой было покончено. Ну а в консерватории к студентам не привязывались, ставили автоматом зачеты, понимая, что будущие пианисты и скрипачи берегут руки. Хотя кое-кто из девочек бегал, а мальчики играли в футбол.

– Мрак, – изрекла Аня, окинув меня взглядом. – Жуть! Работы нам непочатый край, если хотите приобрести рельеф, придется упорно заниматься. Вес, естественно, прибавится, но не за счет жира, а за счет мышечной массы. А то, простите, на вас без слез не взглянешь, не женщина, а червяк какой-то!

И быстренько добавила:

– Шучу, конечно. Значит, так, сначала занимаемся, а потом глотнем чайку с медом и поболтаем. Мне надо как следует познакомиться с клиентом, чтобы правильно тренировать его, идет?

Конечно, я очень хочу потрепаться с милой тренершей, но хорошо бы сделать это до занятий, а еще лучше вместо них.

– Может, сначала попьем чаю? – предложила я.

Аня вскинула красивые брови.

– Что вы! Идите в зал.

Следующий час прошел кошмарно. Сначала я приседала с железкой на плечах, потом таскала на себе какие-то громадные пружины, затем толкала ногами нечто, больше всего напоминавшее мешок с опилками.

– Ничего, ничего, – подбадривала проделывающая все вместе со мной Анечка. – Даю минимальную нагрузку, просто для младенца.

Но, наверное, груднички более выносливые, чем я, потому что на «бегущую» дорожку я вползла полностью обессиленной, прерывисто дыша. Ноги, тяжелые, словно свинцовые гири, отказывались повиноваться, попа тянула вниз, спину ломило.

– Ну, давайте, через силу, еще разок, – велела Аня и добавила: – Спорт формирует характер, учит преодолевать себя, воспитывает силу воли.

«Мой характер уже сформировался, – думала я, вяло перебирая неподъемными ногами. – Преодолевать себя не хочу, без силы воли великолепно прожила больше тридцати лет, а вместо спорта предпочитаю поедание вкусного ужина и чтение газет на диване».

– На сегодня хватит, – сжалилась Аня и выключила тренажер.

Я моментально шлепнулась на четвереньки, чувствуя себя словно упавшая с пятнадцатого этажа кошка. Сорокина с легкой жалостью оглядела руины клиентки и сказала:

– Отдышитесь чуток и идите в тренерскую.

Глядя, как она легко, совершенно не запыхавшись после часа тренировки, быстрым шагом движется по залу, я горестно вздохнула и попробовала сложить в кучу плохо повинующиеся конечности. С третьего раза мне это удалось. Постанывая и покряхтывая, я поползла в указанном направлении. Там на столике весело пускал пар чайничек и пахло летом – мятой и какими-то еще незнакомыми травами. Глядя, как я осторожно опускаюсь на стул, Анечка хмыкнула и, подавая чашку, спросила:

– Похоже, вы не слишком увлекаетесь физической культурой.

– Лина говорила, что тренировки приятные, легкая нагрузка, – пробормотала я, с наслаждением глотая горячую ароматную жидкость.

– Алечка занимается давно и регулярно, – ответила Аня. – Она очень следит за собой, понимает, что для женщины фигура – главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.